

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

ВЕРИМ В ВЕСНУ

Читатели обсуждают материалы «Баррикады перестройки»

О ПРИНЦИПАХ — ПРИНЦИПИАЛЬНО

Стоит ли говорить молодежи всю правду!

БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАТРАТНЫЙ ПОДХОД

Размышляя над договором о ракетах

ISSN 0320 8001

5/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«Уважаемая редакция...»

2

Полемика

Л. САРАСКИНА. О каких принципах идет речь

14

Новое мышление: теория и практика

И. МАЛАШЕНКО. Безопасность и затратный подход

23

Актуальная тема

Т. АЛЕКСАНДРОВА. Экология жизни — экология духа

28

Почта редактора

В. ЛАЗАРЕВ, О. ТУГАНОВА. Патриотизм простой и «военный»

36

Новые книги

Б. КАГАРЛИЦКИЙ. Письма английского путешественника

39

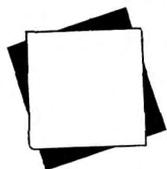
Научная публицистика

А. СИЛИН. Провозвестник космического гуманизма

42

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КСИ и другие. О проблемах неформальных общественных образований.

«Уважаемая редакция...»

В почте последнего времени преобладают отклики на опубликованный в № 2/88 материал «круглого стола» в редакции «Баррикады перестройки». И все — со знаком «плюс». Во всяком случае, на момент, когда пишутся эти строки. Но, разумеется, публикацией этой подборки писем заочный «круглый стол» читателей не ограничится. Будут новые интересные письма, новые идеи, столкновения мнений — будет и место для них в последующих выпусках нашего журнала.

Раскрепощение

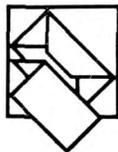
Считаю, что участники «Круглого стола» в дальнейшем вплотную подойдут к истине, потому как на страницах журнала имеют возможность раскрепощенно делиться своими взглядами.

Абсолютно согласен с А. Арсеньевым по поводу общества как организационной системы. Правоту А. Арсеньева наверняка подтвердит как наш опыт строительства социализма, так и опыт братских стран. Очень печально, но следует признать, что социализм в том виде, в каком он реализован в нашей стране, является наиболее благодатной почвой для бюрократии. Воистину никакими «вторжениями» и «ампутациями» избавиться от этого груза невозможно — бюрократическая мельница от этого несколько не пострадает, разве что на время будет замедлен ее ход. В дальнейшем «система вернется в равновесное положение», приспособится к ветру любого направления и с не меньшим усердием примется перемалывать все новое, выдавая конечную продукцию в виде тех же инструкций, разве что в изменившейся форме.

Остается одно — выбить почву из-под ног бюрократии. Как это сделать — вопрос глубокого изучения причин и корней этого явления, идущих в прошлые века. Бесспорно — медлить нельзя.

Наше руководство, по-моему, недооценивает всю опасность, которую несет в себе прочно сложившийся, отлично отрегулированный аппарат бюрократии. Это и естественно — каждый руководитель сам прошел все ступени по бюрократической лестнице и по праву был «отличником» в этой «школе». Но вряд ли можно прийти к новому, не отказавшись от стереотипов вредного, насиженного старого. В любой момент эта «высокодисциплинированная армия» может превратиться из армии выжидающих и сносящих все «оскорбления», в армию наступающую. Потом нам, в своем большинстве неорганизованным одиночкам, не устоять.

«Нельзя упускать время, уповая на необратимость процессов», — это из выступления А. Нуйкина. Хочется добавить — не только нельзя, но и преступно. Всецело поддерживаю

мысль А. Нуйкина относительно того, «чтобы в стране начали складываться открытые, отчетливые политические структуры, отражающие разные программы построения коммунизма...» По-моему, они в будущем способны будут мгновенно и открыто реагировать на все нововведения, проводимые в стране. При такой си-

стеме, наряду с упрочением гарантий необратимости перестройки, мы наверняка будем застрахованы от движения в «плановую неизвестность», иными словами,— от пути проб и ошибок.

Анатолий ЖУКОВ,
г. Днепродзержинск
Днепропетровской области.

В «десятку»

В белорусском молодежном журнале «Парус» существует десятибалльная шкала оценок материалов очередного номера. «Десятка» дается за материал, характеризуемый — «Ничего подобного нигде не читал». Так вот, используя эту шкалу, ставлю вам «десятку» за «Круглый стол» литераторов и ученых в № 2 вашего журнала за 1988 год. Попал он ко мне случайно — купил в киоске гостиницы. Прочитал пока только «круглый стол», но и этого хватило, чтобы я

сел за письмо. Сегодня же сообщу друзьям, чтобы безотлагательно прочитали.

А ведь впереди еще статья А. Лосева! Спасибо! Побольше таких номеров, которые не просто дают неизвестный материал (что тоже важно), но и зовут к размышлению, к сомнениям, к действию. А без этого перестройке не быть!

Р. МАНСУРОВ,
г. Москва.

Что делать дальше?

С большим интересом прочитали материалы дискуссии «Баррикады перестройки». Очень нужная и своевременная публикация, свидетельствующая о тревоге передовых сил нашего общества за судьбы перестройки в стране. Нас тоже они очень тревожат, мы сами много думаем об этом, обсуждаем наиболее острые проблемы, пытаемся что-то делать.

Согласны с высказанным в ходе дискуссии мнением, что XX съезд комсомола не оправдал надежд, что комсомол с каждым днем все более отдаляется от молодежи. К сожалению,

все попытки изменить в лучшую сторону положение с институтским комсомолом закончились безрезультатно. В комсомольской же печати одни лозунги и радужные призывы.

Посоветуйте нам, пожалуйста, что делать дальше? Как реально помочь перестройке?

Желаем редакции не сбавлять остроту и правдивость публикаций о проблемах перестройки в нашей стране.

**Студенты Московского
авиационного института.**
[16 подписей].

Либерализм не по адресу

Не отрываясь прочитал ваши «Баррикады перестройки». Готов на них сражаться с вашей стороны. Единственное вызывает внутренний протест — не изжитый нами либерализм не по тому адресу: хотя многие участники «круглого стола» сошлись, что нелепо ожидать от чиновников, власть придержащих, добровольного от нее отказа, тем не менее уважаемый Л. М. Баткин пытается убедить и успокоить их (не нас же!) в том, что плюрализм не опасен Советской власти. Полноте! Они это знают не хуже нас. Как знают и то, что он опасен их власти, что волнует их го-

раздо больше. Прекрасно сказал об этом в «Новом мире» А. Нуйкин, другой участник того же «стола».

А что касается интересов народа, то если они не волновали власть придержащих три года назад, — с чего они начнут их волновать сейчас, тем более, что большинство на капитанских мостиках — люди пожилые, прожившие под лозунгом «После нас хоть потоп». Им бы сейчас досидеть спокойно в тепле. И они все для этого сделают.

**В. КОРЕЦКИЙ, инженер,
г. Москва.**

Надеяться на собственный разум

По-моему, идеи, высказанные за «круглым столом» лишь очень кратко и как бы мимоходом, заслуживают более глубокой и детальной разработки. Различные концепции истории будут играть важную роль в той борьбе идей, которая начинает разворачиваться по ходу перестройки. И речь пойдет не только о последних семидесяти годах, но именно о «всей нашей истории», более того, о самой концепции истории, исторического процесса.

В наследство от недавнего прошлого, как одна из форм искаженного, фиктивного сознания, нам достались и определенные представления об истории, о путях и возможностях ее познания и использования. Согласно этим (якобы марксистским) представлениям, история может быть однозначно познана и описана в виде некой динамической схемы с определенными причинно-следственными связями между основными событиями и явлениями. Познанное таким образом прошлое якобы дает ключи к пониманию и даже предвидению будущего. Довольно очевидно, что подобные концепции истории (как

процесса и как науки) создавались по образцу классической, ньютоновской физики, согласно которой физический мир подчиняется жестким детерминистским законам. К XX веку физики стали считать, что во вселенной отнюдь не все детерминировано, что многие «законы» носят статистический характер, что во многих важнейших процессах велика роль случая. К процессам историческим все это приложимо не в меньшей степени, чем к процессам физическим. А само познание истории, как и познание природы, — процесс бесконечный. Как и ученый-естественник, историк выдвигает гипотезы, которые потом должны проходить строгую проверку фактами. От гипотезы к гипотезе происходит все более и более адекватное познание реальности. Но история как наука еще только начинает добиваться степени точности и достоверности, сопоставимой с нормами наук естественных.

Сейчас, когда у нас происходит раскрепощение умов и языков, когда мы начинаем освобождаться от «монолитных» и искусственно уни-

фицированных концепций, в области исторических идей, как и в других областях общественного сознания, неизбежно проявится больший или меньший плюрализм. Разные концепции истории будут оспаривать друг у друга власть над умами. Любые исторические гипотезы имеют право на то, чтобы быть высказанными, если только они явным образом не противоречат бесспорным фактам. Остерегаться следует лишь того, чтобы на смену одним историческим фикциям не пришли другие, провозглашенные и воспринятые как абсолютные истины.

С учетом этих оговорок я попытаюсь изложить свою точку зрения на более широкий исторический контекст нашей нынешней перестройки. Основная моя мысль (прозвучавшая и за вашим «круглым столом») заключается в следующем: недостаточно видеть в перестройке всего лишь попытку исправить «ошибки» и «промахи», накопившиеся за последние двадцать, тридцать или семьдесят лет; чтобы оправдать возлагаемые на нее надежды, перестройка должна стать осознанным и целенаправленным преодолением некоторых более древних, вековых традиций нашей истории.

Мы все усвоили с пеленок, что в 1917 году в нашей стране произошел решительный, радикальный разрыв с прошлым во имя принципиально нового будущего. Однако теперь мы с горечью видим, что в некоторых весьма существенных отношениях действительного разрыва с прошлым тогда не произошло или, во всяком случае, некоторые, далеко не лучшие, традиции прошлого вскоре как бы взяли реванш, как бы отомстили тем, кто думал, что с прошлым покончено навсегда. Подобную преемственность традиций через рубеж 1917 года можно проследить во многих областях нашей культуры, нашей общественно-политической жизни. Здесь я остановлюсь лишь на двух проблемах: проблеме власти и проблеме межэтнических отношений.

На протяжении многих веков основной формой власти в России была монархия. Традиции самодержавия в Московском государстве складывались под перекрестным влиянием Византии и Золотой Орды. Позже из Западной Европы пришли идеи конституционализма, т. е. ограничения власти монарха системой законов, но первые робкие попытки укоренить эти идеи на русской почве были сделаны лишь в начале XX века, после революции 1905—1907 годов. Однако в народном сознании вплоть до XX века источником и основанием власти царя была не воля народа, а «воля Божья». Царь имел право на власть и властвовал как «помазанник Божий». Власть воспринималась народом как некая свыше ниспосланная сила, которую нельзя было контролировать; власти можно было лишь подчиняться, в крайнем случае, против нее можно было бунтовать.

В становлении личной власти Сталина, бесспорно, сыграли немалую роль эти традиционные представления о государственной власти, сохранившиеся в массе народа. И Сталин сознательно опирался на эти представления. Его официальные портреты были смоделированы по образцу портретов русских царей (и преемственность тут, вероятно, можно проследить вплоть до Византии). В Музее подарков Сталину (который я имел счастье посетить в детстве) была выставлена «Шапка Мономаха», подаренная «вождю» какими-то народными умельцами. Подобно византийским императорам, Сталин объединял в себе власть светскую и власть сакральную. Он был одновременно и главой правительства, и главнокомандующим, и главным жрецом официального культа, главным толкователем высших истин. Византийские императоры и русские цари правили как «помазанники Божии». Сталин был «помазанник Истории». Его право на власть официально обосновывалось тем, что ему были ведомы промыслы Истории и поэтому он мог безошибочно вести стра-

ну в светлое будущее. Не приходится доказывать, что абсолютностью своей власти Сталин мог потягаться с любым монархом из русской истории. И остается лишь вспомнить известные слова английского историка Эктона: «Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

«Десталинизация» (которая, очевидно, только теперь входит в решающую стадию) должна нести с собой и изменение наших представлений о природе власти. Нам придется усвоить точку зрения (которую можно считать нормативной в нынешнем мире), что власть — это некая сила, внешняя по отношению к обществу и данная ему свыше, а одна из функций самого общества, подотчетная и подконтрольная ему; что право на власть не определяется особыми отношениями с Богом или Историей, а вручается от имени общества некоторым его членам **постольку и настолько, поскольку и настолько** эти последние демонстрируют свою компетентность в делах власти. Иными словами, как и в других областях общественного сознания, мы должны произвести демистификацию наших представлений: демистифицировать идею власти, до конца лишит власть ее сакрального («византийского») ореола. По сути дела, эта демистификация, десакрализация власти произошла де факто за тридцать с лишним лет, прошедших после смерти Сталина. Теперь то, что произошло де факто, должно быть оформлено де юре. Точных precedентов такой задачи мы в нашей истории вряд ли найдем. Разве что некоторые аналогии можно усмотреть в реформах Александра II и в конституционных опытах начала XX века.

«Оглядики» на Западную Европу, откуда мы часто заимствовали социально-политические идеи, могут нам помочь лишь в ограниченной степени. В отличие от «национальных», то есть этнически более или менее однородных государств Западной Европы, наша страна складывалась на протяжении веков как полиэтническая импе-

рия, центральным этносом которой были русские. К началу XX века отношения между различными этносами в империи оставляли желать лучшего, и крах 1917 года привел к отпадению ряда «инородческих» окраин. Не случайно и то, что среди политических деятелей, активно участвовавших в разрушении бывшей империи, было немало «инородцев»: грузин, армян, евреев, поляков, латышей и т. д. Революция помимо прочего, была и бунтом «инородцев» против господствовавшего этноса.

Во время гражданской войны и позже большинство отпавших окраин были воссоединены с основным телом государства. Мы привыкли думать, что созданный в 1922 году Советский Союз воплотил в себе совершенно иные принципы межэтнических, межнациональных отношений, чем те, что лежали в основе прежней Российской империи. Нынешняя гласность принесла нам разочарование (лучше сказать — отрезвление) и в этой области. Теперь мы знаем, что и в сфере межэтнических отношений желаемое слишком часто выдавалось за действительное, а действительность была порой довольно мрачна. Увы, и здесь разрыв с дореволюционным прошлым оказался не столь радикальным, как нам того хотелось бы. Недавние события в Казахстане, Прибалтике и Закавказье показали нам, что проблема гармоничного сосуществования различных народов в пределах нашей огромной и многообразной страны еще отнюдь не разрешена. В этом нет ничего странного, чрезвычайного. Просто мы, граждане СССР, такие же люди, как все. Одна из фикций сознания, от которой нам надо избавиться, — это вера в то, что История нам выдала «страховку» от проблем, которые существуют у других людей, в других странах. Нет, мы, наша страна, — неотъемлемая часть остального человечества, и никакие человеческие проблемы нас не минуют. Только надо эти проблемы в полной мере осознавать и открыто обсуждать, анализировать. В этом — залог их успешного преодоления.

Оглядки на прошлое вряд ли могут нам разрешить проблемы межэтнических отношений. Однако, стоит, пожалуй, учитывать опыт похожих политнических стран, прежде всего Индии и Китая. Надо смотреть в будущее и искать новых, нестандартных решений. Теперь мы не настолько наивны, чтобы думать, что какие-нибудь мудрецы и вожди, знающие промыслы Истории, могут привести нас за ручку в светлое будущее. Мы достаточно взрослые, чтобы надеяться лишь на собственный разум, на

собственную добрую волю, на собственные силы.

Наша страна выходит в «открытое будущее», словно космонавт — в открытый космос. Нам нужен ясный взгляд, точное знание обстановки и бесстрашная готовность спокойно, без паники противостоять любым неожиданностям.

Желаю всего доброго вашему журналу.

Сергей СЕРЕБРЯНЫЙ,
кандидат филологических наук,
г. Москва.

Верим в весну

По профессии я врач, но вопросы философии, истории и политики занимают подчас большую часть моих интересов, особенно во время начавшейся весны обновления и воссоздания нашей Родины. Мне, как и вашей читательнице Н. Филипповой, до мозга костей претит тот «дикий конгломерат патриотизма с милитаризмом, который еще остается основным лейтмотивом в политическом самосознании иных наших соотечественников» и ваш бюллетень, пожалуй, наиболее остро, как я могу судить по второму номеру, ведет борьбу с этим злом. Увы, этот «конгломерат» очень распространен и крайне живуч.

Второй номер я прочитал «от корки до корки» и несколько раз перечитал уже с карандашом в руке. Все просто замечательно! Особенно удачными и злободневными мне представляются материалы «круглого стола» «Баррикады перестройки» и публикация интереснейшей работы А. Лосева «Русская философия» — многое было для меня открытием. Я счел своим долгом сразу же пригласить своих друзей, и мы вместе еще раз перечитали и в живой дискуссии обсудили ваш бюллетень. Наше мнение было единодушным: только закаренелые сторонники административно-командной системы и соцавтаркии могут считать, что ва-

ше детище — это «антисоветчина», как сказал парторг рабочему Н. Павлову (№ 2/88). «Век XX и мир» — это одно из самых истинно человеческо-социалистических изданий! Было бы очень жаль, если бы мне так и не довелось увидеть предыдущие номера вашего бюллетеня,— «Век XX и мир» отсутствует во всех четырех библиотеках города, и никто из знакомых о нем даже не слышал. А в агентстве «Союзпечати» сказали, что в розничную продажу в Печоре этот номер вообще впервые поступил. Жаль и очень жаль, что такой важный момент, как реклама вашего издания, оказался не на высоте. Хотя можно логично предположить, что тому виной не вы.

Ваш бюллетень серьезно побудил задуматься о конкретном, личном вкладе в дело защиты мира и, прежде всего, в формирование гуманистических, антимилитаристских позиций у подрастающего поколения. Ведь это ужас, когда у шестилетней дочки в детском саду дети радостно маршируют под людоедскую песенку: «Стоят ракеты где-то... У тех ракет крылатых хотел бы быть и я!», когда на занятиях по трудовому воспитанию дети клеят из цветной бумаги... танки и солдат (которые своим видом напоминают солдат Урфина Джюса). Это страшно — получать обвинения в «пацифизме», если лек-

тора из Москвы спрашиваешь, нужна ли антивоенная пропаганда, а в ответ получаешь «ответ», что, мол, речи М. С. Горбачева — «это для заграницы, а мы должны готовиться к войне», в которой победят «высокий моральный дух и выучка наших офицеров и солдат» («дух» над радиоактивной пустыней?).

А сколько еще красных патриотов — черносотенцев, всей душой разделяющих оголтелые взгляды васильевской «Памяти». Как велик еще великодержавный шовинизм, самой высшей «имперской» пробы — «какие еще могут там быть проблемы у крымских татар, у армян в Карабахе, Сталина на них нет». Значительное число, увы, юных наших с вами соотечественников глубоко убеждены в посконном праве русских в своей «единой и неделимой» определять судьбы всех остальных народов. Глубоки корни и автаркии,

и антисемитизма, и вообще «кантинерусского».

Многие не верят в перестройку, в ее перспективы и, главное, в гарантии (которых, впрочем, так пока и нет) того, что если сейчас «пустить расцветают сто цветов», то вдруг завтра состоится «внутренний Пленум...», и все «болтуны» окажутся во власти ст. 70 УК РСФСР (а публикации вашего бюллетеня подвести под «измышления, порочащие...» — раз плюнуть для наследников Сталина).

Несмотря ни на что, я и мои друзья всем сердцем верим, что начавшаяся весна даст не только первые свежие и трогательные своей искренностью листочки, но и густую крону динамичному древу — человеческому социализму с его плодами.

Михаил РЕВНИЦЕВ,

врач,

г. Печора, Коми АССР.

Может быть, обойдемся без окриков?

Прочитал ответ А. Хорькова (№ 2/88) на статью А. Нуйкина в № 10/87 года. Удивляет тон: «инсинуации», «оскорбительность клеветнических измышлений Андрея Нуйкина»... Но ведь целый доктор философских наук, профессор, генерал-полковник Д. А. Волкогонов и... А. Нуйкин. Разные весовые категории! Можно и прикрикнуть... Да, трудновато дается наука демократизации в нашем военном ведомстве!

Однако попытаемся разобраться в существе дела. Обратимся к тексту Д. А. Волкогонова, опубликованному в бюллетене «Аргументы и факты» № 25/87. Читаем: «...если определить генезис и сущность немислимой (но возможной!) ядерной войны, то отныне с ее помощью можно продолжить лишь безумную, преступную, авантюристическую политику, ведущую в небытие. Что же касается аргумента, что «какое же это продолжение политики, если в такой войне все погибнут», то это уже ре-

зультат преступной политики. Таким образом, война может быть чудовищным продолжением преступной политики». (Подчеркнуто мною — В. И.).

Мне непонятно, чем «справедливо» возмущается А. Хорьков. Мы имеем четкую позицию Д. А. Волкогонова, отстаивающего устаревшую формулу Клаузевица. Винить следовало бы не Андрея Нуйкина, который совершенно резонно указал на ошибочную позицию уважаемого профессора, а самого Д. А. Волкогонова. В принципе правомерно и язвительное замечание А. Нуйкина о расхождении толкования Д. А. Волкогонова с известным замечанием М. С. Горбачева о том, что война теперь не может являться продолжением политики.

Это суждение является единственно верным: война не может рассматриваться ни в качестве политического средства, ни в качестве производного политической деятельности. Недаром в языке современной публи-

дистики противопоставлены «политические средства» и «военные средства». Война равнозначна гибели, война — безумие, и поэтому не может иметь ничего общего с политикой (какой угодно — преступной, авантюристической в том числе), так как политика — это деятельность, ведущая к осмысленной цели. Д. А. Волкогонов допустил, что политика может быть и «безумной». Смею полагать, что такой политики не существует, если это, конечно, политика, а не безумие. Дефиниции должны быть корректны. Если оставаться в рамках разумной деятельности, если

исключить безумные действия, то политика не должна вести к ядерной войне как к своему продолжению. В этом суть отказа от формулы Клаузевица в наше время. Мне кажется, это понятно, просто и не подлежит какому-либо сомнению.

Заблуждения возможны, в споре рождается истина, но, товарищи, давайте обойдемся без грубых окриков. Нужно вести себя достойно. Это действительно не добродетель, а долг.

Владлен ИВАНОВ,
г. Ленинград.

Возражение или кляп?

Назовете ли вы «полемикой» диалог, в котором один из оппонентов излагает свои, пусть даже не бесспорные взгляды, а второй выкрикивает: «Молчать!», «Не рассуждать!», «Да знаешь ли ты, с кем говоришь?» — и т. д. Этой модели в точности соответствует дуэль, разыгравшаяся на страницах вашего журнала, между А. Нуйкиным (в роли первого оппонента, № 10/87) и А. Хорькова (в роли второго, № 2/88) — из-за взглядов Д. Волкогонова на проблемы войны и мира.

Нуйкин цитирует Волкогонова: «Не стоит формулу Клаузевица называть «абсурдной».

Кажется, по правилам элементарной логики, из этого следует, что она верна, хотя бы отчасти. Но вот как «отвечает» Нуйкину Хорьков: «...никаких попыток «восстановить в правах» формулу Клаузевица вдумчивый и объективный читатель не заметит». (О, читатель, как тебе нравится эта «тонкая» игра: если ты согласен с Хорьковым, то можешь счи-

тать себя «вдумчивым и объективным», если же нет... Страшно подумать!)

Все «аргументы» Хорькова того же сорта: в этом нетрудно убедиться, прочитав цитируемые материалы. Я же приведу еще лишь один, весьма типичный пассаж: «Абсурдность и оскорбительность клеветнических измышлений Андрея Нуйкина по поводу интервью доктора философских наук, профессора, генерал-полковника Д. А. Волкогонова в бюллетене «Аргументы и факты» для советского читателя очевидны».

Слышите ли до боли знакомое: «Да знаешь ли ты...»? И как характерно высказывание от имени **советского читателя** — каждого, любого! (Все одобряю! Все осуждаю!) А ведь и я — советский читатель, но мне почему-то не очевидно... «абсурдность и оскорбительность клеветнических измышлений Андрея Нуйкина». Как тут быть?

«Среди подписчиков бюллетеня «Век XX...» есть и иностранцы» (На

гауптвахту всю редколлегию! А еще бы лучше — сквозь строй...).

Наконец последнее: в отличие от своего защитника, Волкогонов, судя по известным мне публикациям, производит впечатление человека, способного полемизировать, а не только оглушать командными окриками. Почему бы ему самому не ответить Нуйкину — если, конечно, есть что

сказать по существу поднятых вопросов?..

Сергей СПЕРАНСКИЙ,
доктор биологических наук,
заведующий лабораторией
токсикологии новых
промышленных химических
веществ
Новосибирского
НИИ гигиены.

Поднятая в одном из писем тема гражданской обороны (Л. Птицына, «Во что играют взрослые», № 10/87) волнует, как мы предполагали, многих. Увы, размышления читателей — это все, чем пока располагает редакция по этому вопросу.

Зона умолчания

Около года назад мы узнали о существовании вашего журнала, с большим интересом читали его и подписались на него. На нас произвел впечатление подбор его тематики, а также открытость, честность и целеустремленность, с которой эти темы последовательно и непрерывно рассматриваются. Все это заставляет пытаться думать по-новому, причем думать по-новому на практике.

Из многих дискуссионных вопросов нам хотелось бы отметить вполне определенный круг проблем — начиная от вопроса доверия, воспитания в духе мира, нового мышления, с одной стороны, и от военно-патриотического воспитания вплоть до вопроса гражданской обороны — с другой. Эти темы особенно волнуют нас.

О наличии противоречий (или не-

решенного) в этих вопросах говорилось в заметке Людмилы Птицыной в вашем журнале (№ 10/87). Мы хотели бы отметить, что весьма заинтересованы в получении ответа на затронутые там вопросы. Из нашего опыта мы знаем, что этот комплекс вопросов не подлежит обсуждению, что это — табу, зона, закрытая для критики.

Мы были бы весьма благодарны, получив в ближайших номерах журнала ответы на эти вопросы, и смогли бы тогда нарушить это табу и правильно разобраться в этой проблеме в открытой честной дискуссии, то есть в соответствии с новым мышлением, с требованием времени.

Ральф ШМИЛЬ
и **Бернхард ВИЛЬНЕР,**
г. Херцберг, ГДР.

На карте — наша жизнь

Год назад нам в депо выдали памятки по гражданской обороне под роспись. По своему содержанию, по отсутствию указаний мест укрытий, по тому, что за прошедшее время после вручения не было ни одной попытки учений или учебы, можно судить, что на самом деле стоит за всеми этими словами о «патриотическом долге всех граждан СССР».

Почему нас учили и продолжают вопреки здравому смыслу учить, как выжить и выживать, то есть бороться за свои жизни и жизни своих детей, а значит, за жизнь страны, тогда, когда начнется война, в которой выжить, как уже доказано и передоказано, невозможно фактически никому?

Почему тратят силы и средства на программу, которая по своей сути бесполезна?

В целом понимаю необходимость ГО с точки зрения СНАВР, то есть

спасательных, неотложных, аварийных работ в мирное время (Чернобыль тому яркий пример). Но это же другое дело.

Учитывая то, что ГО страны — это сеть, пронизывающая все трудовые коллективы, можно и должно из архаичной бюрократической системы сделать мощное средство подъема сознания масс, сознания меры опасности, ее реальных, а не абстрактных для подавляющего большинства людей сегодня, проявлений в нашей повседневности.

Такая повседневная и очень важная работа ГО страны вела бы к пробуждению общественного сознания, к появлению спасительной мысли, что нужно что-то делать, а не сидеть сложа руки.

Евгений ЗАЛИХОВСКИЙ,
помощник машиниста,
г. Вихоревка Иркутской обл.

Пора разобраться компетентно

Прочитал я письмо Л. Птицыной «Во что играют взрослые» и поразился. Действительно, мы как-то мало задумываемся над тем, что уже стало для нас привычным. А ведь, пожалуй, автор статьи прав. Чем, в самом деле, занимается Гражданская оборона? Боюсь, мало найдется среди гражданских людей таких, которые могли бы более или менее исчерпывающе ответить на этот вопрос.

Во-первых, потому, что его окружает тайна, хотя сомневаюсь в ее непроницаемости, ибо уж больно большие массы населения причастны к ней. Во-вторых, сама по себе работа Гражданской обороны среди трудящихся ведется на таком примитивном, основанном на мышлении первых послевоенных лет уровне, что оставляет впечатление чего-то непонятного, недоступного, а порой и

просто смешного.

Сдается мне, что занятия, подобные тем, которые описаны в письме Л. Птицыной, проводятся и в иных местах. Во всяком случае, нечто такое же рассказывали мне и мои товарищи, которым приходилось у себя в учреждениях выслушивать аналогичные сентенции.

Судя по всему, инструкторы плохо отличают атомную бомбардировку от бомбардировок в минувшую войну. Это в 1941—1945 годах можно было примерно прикинуть, куда попадет бомба — в район Казанского вокзала или Садового кольца. Тогда бомба падала на землю, а атомная бомба взрывается и в воздухе — попробуй определи, над каким местом. К тому же, радиусы поражения у них не сравнимые.

Словом, уверен, что пора компетентно разобраться в том, чем и как

занимаются люди из Гражданской обороны. И притом не бесплатно. Они числятся в списочном составе предприятий и объединений и получают за свою «службу» деньги. Не кроется ли здесь значительный резерв экономии средств и сокращения штатов? Если, конечно, не будет доказана полезность ГО. А то как бы не получилось повторение 1941 года, когда, несмотря на мно-

голетние — и тоже формальные — занятия с населением по ПВХО (противовоздушной и противохимической обороне), граждане в итоге не знали, что предпринять при фашистских бомбардировках. Учила уже нас война. Горький опыт...

**Я. ШНЕЙДЕР, 62 лет,
инвалид труда 2-й группы,
г. Москва.**

Национализм не бывает «русским»

Думая о том, почему на Западе христианство распространялось очень трудно, преодолевая мученичеством христиан яростное сопротивление языческих властей, а на Руси оно легко распространилось, славянофилы пришли к выводу об изначальном родстве христианства со славянскими воззрениями на основы жизни. Русский философ Алексей Степанович Хомяков писал своему другу, англичанину Пальмеру: «Признаюсь, не без особенной радости вижу я и заявляю это тождество исконных понятий моего племени с высшими озарениями предков Израиля».

Обычно считается само собой разумеющимся противопоставление «славянского начала» «еврейскому началу». На самом же деле они очень близки в своих глубинных корнях. Самосознание русского человека в течение всей допетровской эпохи строилось на представлении о Руси как о новом Израиле. Библия была самой читаемой книгой на Руси в XI—XVII столетиях, в то самое время, когда на Западе чтение Библии мирянам было запрещено. Православная церковная служба наполнена моментами, подчеркивающими преемственность Нового Завета от Ветхого: «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев» (не «русский», и не какой-то «всецеловеческий», а именно Израилев); «Избави, Боже, Израиля от всех скорбей его», — ежедневно по-

ется и читается в церкви.

Славянофилам, как и всем настоящим православным русским людям, был совершенно чужд расизм. Каждого православного они считали своим, не интересуясь его происхождением по плоти.

Границы традиций не совпадают с границами рас. Внутри каждой расы гораздо больше перегородок, чем между расами. Еще один пример: русскую традицию роднит с семитской то, что из всех индоевропейских народов только у русских принято именовать человека по отчеству, — в других культурах этот обычай существует только у евреев и арабов, у которых с глубокой древности принято называть человека не только по его собственному имени, но и по имени его отца.

Занимаясь сравнительным изучением культур, всегда полезно помнить следующее высказывание Хомякова: «Только любовь (к предмету, к лицу) открывает нам истину (лица или предмета): без этого анализ наш, как бы ни был остер, скользит по поверхности вещей». Методом Хомякова при изучении как своей культуры, так и культур других народов, была любовь.

У истинного славянофильства сейчас два основных врага. С одной стороны, это — безнациональная «массовая культура», с другой, — псевдославянофильство национальных

экстремистов, проистекающее из комплекса неполноценности. При всей внешней противоположности, оба эти явления имеют один источник: недостаточное знакомство с истинными ценностями своей культуры, такими, как труды славянофилов первого по-

коления. Опубликованная вашим журналом статья А. Ф. Лосева «Русская философия» (№№ 2, 3/88) еще раз напоминают об этом.

Виктор КУДРИН,
г. Москва

Спасибо Горбачеву

На нас произвели большое впечатление статьи в вашем журнале. Мы тщательно изучали и обсуждали их. Мы не ожидали такой глубины и откровенности как от «западных», так и от «восточных» авторов. Мы глубоко благодарны Генеральному секретарю М. Горбачеву за то, что он создал условия для такой откровенности.

У меня такое пожелание и вопрос: кто такая Людмила Сараскина? Мы восхищены ею в особенности. Писала ли она и другие материалы по таким вопросам? Желательно по-

лучить от Вас несколько экземпляров номера 5/87 или оттисков статьи «Во что играют дети?» Через нашу систему распространения периодики я напрасно пытался сделать это несколько месяцев назад.

Йоганн ХОФМАН,
шофер,
г. Галле, ГДР.

От редакции. Так сошлось, что в этом же выпуске мы публикуем новую статью Людмилы Сараскиной (см. стр. 14).

«Век XXI и мир»?

Ваш журнал начала читать лишь с этого года, и так он мне понравился, особенно материалы «круглого стола», — потрясающе! — что решила выписать его на оставшиеся месяцы 88-го и на 89-й год сразу!

Но вот о чем подумала: а как ваш

журнал будет называться через 12 лет?

Алла ЯКОВЛЕВА,
пос. Дальнегорск, Приморский край.

От редакции. Доживем — увидим. Только бы не было войны...

О каких принципах идет речь,

или *Жажда кнута*

Людмила САРАСКИНА,
старший научный сотрудник Института
художественного воспитания

В ходе острых дискуссий о сути происходящих в нашей стране экономических и общественно-политических перемен высказываются самые разные, порой полярные суждения, оценки, позиции. И это нормально, в порядке вещей — как проявление реально существующего ныне социалистического плюрализма мнений. Но одна публикация обратила на себя особенное внимание общественности —тренняя статья в одной из центральных газет с многомиллионным тиражом — «Советской России» за 13 марта с. г., поданная в форме «Письма в редакцию» преподавателя ленинградского вуза Н. Андреевой (под названием «Не хочу поступаться принципами»). Хотя материалу была предпослана рубрика «Полемика», никакой полемики по поводу него ни на страницах самой «Советской России», ни в других газетах и журналах не было вплоть до 5 апреля, когда в «Правде» появился обстоятельный анализ, констатирующий «полную несовместимость, противоположность позиций статьи и основных направлений перестройки». К этому моменту наша редакция уже готовила к печати представленную ниже статью (написанную в развитие варианта, который прошел в газете «Московские новости» от 10 апреля с. г.) При этом мы отказались от первоначального намерения перепечатать одновременно и материал Н. Андреевой, исходя из того, что он уже достаточно подробно излагался как в советской, так и в зарубежной печати.

Вступить в полемику с Ниной Андреевой я решила сразу по прочтении ее статьи «Не могу поступаться принципами». Сразу и не откладывая в долгий ящик, потому что на такого рода вещи нужно реагировать немедленно. Я очень понимаю Нину Андрееву — молодежь мало считается с тем, насколько готовы мы, преподаватели, воспитатели, педагоги, по своим профессиональным и человеческим качествам, знаниям и культурному кругозору к серьезному диалогу. Молодые — они идут напролом и упрямо задают свои вопросы, ведь сама способность человека ставить вопросы неожиданные, дерзкие, острые, пусть даже и не всегда взвешенно продуманные, — способность творческая и плодотворная.

И здесь, как говорится, или волка не бояться, или леса не видать. Если берешь на себя личную ответственность и

ответствуешь на свой страх и риск, не ожидая руководящих установок и говоря от своего имени, тогда и ответы у тебя найдутся свои собственные.

В этой связи мне показалось, что автора публикации не слишком радуют те вопросы, на которые ей приходится отвечать. Более того, Н. Андреева откровенно считает, что в молодежной среде гласность проявляется «и в постановке таких проблем, которые в той или иной мере «подсказаны» западными радиоголосами или теми из наших соотечественников, кто не тверд в своих понятиях о сути социализма». И здесь у меня возникают вопросы уже к автору, вопросы, подсказанные мне, даю честное слово, не кем-либо извне, а только здравым смыслом.

Значит, Вы считаете, что вопросы (вот Ваш перечень их: многопартийная система, свобода религиозной пропаган-

ды, выезд на жительство за рубеж, право на широкое обсуждение сексуальных проблем в печати, необходимость децентрализации руководства культурой, отмена воинской повинности, прошлое нашей страны) не могут, не должны самостоятельно возникать в умах молодых, тревожить, требовать ответа? Что это провокационные вопросы, идущие от врагов социализма или от тех, кто в нем «не тверд»?

А у тех, кто в нем «тверд» (как Вы) подобных вопросов нет и быть не может, ибо уже давно имеются затверженные, утвержденные и отвержденные ответы? Но если такие ответы — правильные, в духе Ваших принципов — имеются по всем этим вопросам, почему же все-таки, они — вопросы — возникают вновь и вновь, у каждого поколения молодежи? Моя студенческая молодость минула двадцать лет назад — но и нас, представьте себе, мучали эти же и многие другие «проклятые» вопросы.

И еще. Что все-таки значит Ваше выражение «кто не тверд в своих понятиях о сути социализма»? Разве суть состоит не в том, что социализм — это живое, развивающееся учение, а не окаменевшая догматическая твердыня? Что каждая эпоха в развитии социализма требует нового, творческого подхода ко всем, без исключения, сферам человеческой жизни, в том числе и к идеологии? Что новое политическое мышление, о коллективных поисках которого возвестил XXVII съезд КПСС, как раз и есть **сегодняшнее** выражение сути социализма? А завтра может понадобиться и новый поиск? Или на каком-то этапе (скажите, объявите, на каком именно, когда?) этот поиск был завершен и суть социализма была определена непогрешимой математической формулой или периодической системой элементов?

«В наши дни студенты после периода общественной апатии и интеллектуального иждивенчества постепенно начинают заряжаться энергией революционных перемен», — справедливо пишет Вы. Однако Вы, именно Вы, панически боитесь этих перемен, как бои-

тесь духовной свободы, интеллектуального превосходства и общественной активности людей, которые как раз и осуществляют перестройку. Сколько сделано ими за три года — сколько написано, продумано, сказано. Сколько добыто фактов — бесценных, как воздух, нужных нашему народу и, прежде всего, молодежи. В наши библиотеки возвращаются тысячи томов первоисточников, которые заменят им грубую и вульгарную фальсификацию, наше настоящее впервые, может быть, встречается лицом к лицу с подлинной, а не поддельной историей, наше общество на этом пути может обрести истинные идеалы, избавившись от ложных. Но Вы этого ни видеть, ни признавать прямо не хотите. Как же, какими средствами надеетесь Вы преодолеть апатию студентов и отучить от иждивенчества? Я усиленно пытаюсь понять, на чем же строятся Ваши аргументы, Ваши убеждения и оценки.

Вот, например, Ваши опасения: тема политических репрессий в армии. «Ставшая дежурной тема репрессий гипертрофирована в восприятии части молодежи, заслоняет объективное осмысление прошлого», — пишет Вы. Представьте себе, что о Чернобыле напишут так: «Ставшая дежурной тема катастрофы в Чернобыле гипертрофирована в восприятии жителей Украины и Белорусии и заслоняет объективную картину общих достижений этих республик в социалистическом строительстве». Как это прозвучит? Безразлично? Да. И преступно. Ваши слова так же безнравственны — по меньшей мере. Объективное осмысление прошлого — это цифры и факты, факты и цифры, а еще свидетельства — мертвых и живых. Где они у Вас эти цифры? Эти свидетельства? Вас не спрашивали Ваши студенты, сколько людей погибло в сталинских лагерях, из них — детей и женщин? Сколько среди них было людей, не поступившихся принципами и преданных социализму, а также просто людей — художников, поэтов, химиков? Где они лежат, кто их хоронил? А кто допрашивал, пытал? Что, интересно, Вы отве-

чае? О неважности количества? О том, что их было не так много? А сколько, по-Вашему, много? А цифры, опубликованные в нашей печати о ликвидации командного состава Советской армии, — тоже «гипертрофированы»? Или Вы предпочитаете тоже их не видеть и не знать? Но Ваши студенты — ведь читают журналы, книги. Или Вы опять хотите заморочить им голову, фанатически твердя о «славном пути борьбы и побед»? Тогда зачем лицемерить и поддельваться под гласность? Для этого гласность не нужна; и Вы прекрасно это знаете.

Да Вы и не верите в гласность, в свободное общественное мнение, в глас народа. Вы верите и признаете только команду. Прислушайтесь, как Вы сами выдаете себя: «Наверное не одной мне бросилось в глаза, что **призывы** партийных руководителей повернуть внимание «разоблачителей» еще и к фактам реальных достижений на разных этапах социалистического строительства, **словно по команде**, вызывают новые вспышки «разоблачений».

Что значит «вспышки»? Так говорят об эпидемиях, болезнях, преступности. «Разоблачителям» дают команду не таинственные силы, на которые Вы так прозрачно намекаете, а их совесть. Потому что есть, к сожалению, кого разоблачать. Есть что обличать и предавать гласности, как есть что защищать, отстаивать, реабилитировать. Или Вы считаете, нужна некая норма, некий лимит на разоблачения и на реабилитацию? И нужно установить твердое задание «разоблачителям», спустив контрольные цифры вместе с процентом на «достижения»? Неужели Вы сами, по-человечески, с точки зрения так нелюбимого Вами понятия «гуманность», не хотите знать поименно всех правых и виноватых? А если даже и узнаете, то пожелаете владеть этим знанием монопольно — быть хранителем истины? Но истина — это не премия и не паек, она принадлежит всем. И студенты, которых Вы бдительно оберегаете от «путаницы» и «нигилизма», должны не только знать истину, но и жить по ней. Не мешайте им!

Я понимаю, как Вам нелегко бороться с «идейной путаницей» и идеологи-

ческой всеядностью» в обстановке демократического обновления нашей страны. Я понимаю, как стремитесь Вы во что бы то ни стало держаться за незыблемость, твердо, оплот. Это свойственно каждому человеку — иметь святыни, нечто бесспорное и несомненное, как в истории, так и в современной жизни. Но Ваши идеалы, Ваши ориентиры и ценности представляются мне очень сомнительными — прежде всего потому, что Вы не открыты новому знанию, если оно Вам неприятно, невыгодно и угрожает привычно сложившемуся идейному комфорту, удобному мировоззрению.

Вы пишете: «Что, к примеру, могут дать молодежи, кроме дезориентации, откровения о «контрреволюции» в СССР на рубеже 30-х годов», о «вине Сталина за приход к власти в Германии фашизма и Гитлера?» Я отвечу, что это может дать молодежи. Как всякое знание, это даст ей некую надежду, некую социальную гарантию, что вчерашние ошибки, за которые заплачено слишком дорого, не повторятся завтра. Это даст ей творческий импульс к самостоятельному поиску ответа на сложнейшие вопросы нашей истории, в частности о том, какие силы в их совокупности развязали вторую мировую войну. Пусть эти «откровения» будут опровергнуты или подтверждены — это должно стать результатом честного исследования, основанного на фактах и документах, а не окрика куратора, коптому не хочется нарушать принцип даже во имя истины.

Следует отдать Вам должное — в защите этих принципов Вы заходите очень далеко. Так далеко, что просто дух захватывает. Вы упрекаете документальный фильм о С. М. Кирове за «двусмысленность»: «Кадров демонстрируют взрыв энтузиазма, жизнерадостности, душевный подъем людей, строивших социализм, а дикторский текст — о репрессиях, неинформированности». Мне это Ваше замечание представляется лицемерным и циничным. На фоне жизнерадостности и энтузиазма, прикрываясь им, убийцы убили героя фильма, С. М. Кирова Убили по верховному приказу, по команде. Смерть Кирова стала знаменем нового

похода против народа. Кто же виноват в том, что мы не располагаем этой кинохроникой, этими киноархивами? Чья вина в том, что хранители истины не сохранили (или утаили?) эти кинокадры? И, вместо правды, подсунили нам все тот же «взрыв энтузиазма», все те же пресловутые «достижения»? И именно на них Вы вновь и вновь хотите строить очерк истории нашего действительно многострадального отечества, отказывая истории в трагизме, высокомерно называя самые болезненные ее моменты «эпохой бури и натиска», а обсуждение исторических фактов — «слово-толчением».

В этой связи мне бы очень хотелось всерьез поспорить с Вами по поводу пьес Шатрова — они и впрямь заслуживают и глубокого обсуждения, и разговора по существу. Но сделать это довольно трудно. Вот Ваш главный аргумент: «Рецензенты (имеются в виду авторы рецензий, опубликованных в «Правде» и в «Советской России» — Л. С.), опираясь на марксистско-ленинскую методологию исследования исторических процессов, убедительно показали, что Шатров искажает историю социализма в нашей стране». Соглашусь, довольно-таки увесистое обвинение. Оставим его на совести рецензентов и посмотрим на Ваш собственный вклад в оценку театра Шатрова. Размахивая марксистско-ленинской методологией, как дубинкой, Вы ни мало ни много просто доносите на Шатрова. Вам кажется, что Вы схватили его за руку, поймали на горяченьком — его и вместе с ним А. Рыбакова: застудили двух писателей на занятии предосудительном и компрометирующем. Ведь по Вашей логике, выхватить заграничный (тем более эмигрантский) литературный источник художественного произведения — значит дискредитировать его безоговорочно. Но в этой Вашей логике есть, извините, и смешная сторона: откуда в таком случае, Вы, химик по профессии, знаете книгу Б. Суварина, изданную в Париже? И другие эмигрантские издания? Что, интересуетесь? А где Вы их читаете, в каком спецхране?

И еще вопросы. Задумывались ли Вы когда-нибудь о литературных источниках пушкинского «Евгения Онегина» или

«Бориса Годунова»? Уверю Вас, среди них есть немало закордонных. Это, представьте себе, нормально, естественно, это в духе литературы, как и естественно автору-драматургу иметь собственную версию того или иного момента истории, отраженного в пьесе. Критикуйте эту версию, противопоставляйте ей свою, доказывайте, спорьте — но не торопитесь объявить пьесу криминалом, а автора вероотступником. «Шатров существенно отходит от принятых принципов социалистического реализма», — пишете Вы. Если Вам перечислить все имена, по адресу которых были в разное время высказаны подобные или еще более грозные слова, думаю, Вам будет не по себе: абсолютное большинство этих «отходников» ныне возвращены в отечественную культуру и составляют ее золотой фонд. Так что не пугайте, пожалуйста, вновь и вновь этими «принятыми принципами».

Вас как воспитателя молодежи справедливо волнуют те вопросы общественного ведения, которые «непосредственно влияют на идейно-политическое воспитание молодежи, ее нравственное здоровье, ее социальный оптимизм». Я не знаю, как именно, в каких словах и терминах Вы определяете понятие нравственного здоровья, но полагаю, что такие пункты, как совесть и правда, в это понятие входят. Так же, как в понятие «социальный оптимизм» входит представление о цене, которая заплачена за наше нынешнее «социальное здоровье». Вот с точки зрения этих трех составляющих — **совести, правды и цены** — я и хотела бы поспорить с Вами на тему «Сталин».

Я, так же как и Вы, не принадлежу к сильным мира сего. Мой отец в шестнадцать лет ушел из своей деревни, где в начале 30-х годов от голода погибла почти вся его семья — родители и одиннадцать сестер и братьев — после того, как у них были отобраны корова и лошадь. Тем не менее, он был комсомольским активистом, в 1939 году стал членом партии, окончил военноморское училище в Кронштадте, прошел всю войну, командовал батареями в прорыве Ленинградской блокады. Он относился к Сталину с высоким почтением и преданностью. Но когда после

XX съезда узнал о роли Сталина в истории страны, сказал следующее: «Если это все правда, мне остается только застрелиться». Он не застрелился, а умер от тяжелой болезни, но до конца дней эта тема была для него самой мучительной, невыносимой. Его судьба во многом поучительна для меня: я на примере отца видел, какие усилия человек тратит на то, чтобы поверить правде во имя раз и навсегда затверженных догм.

Для меня в оценке Сталина решающую роль играют не слова Черчилля. Вот уж кому не было никакого дела до испытаний, выпавших на долю нашего народа. И здесь приходится только удивляться, что этот западный источник, этот прямо скажем, специфический адвокат Сталина не смутил моего оппонента. Непонятна, правда, та смелость, с которой берется одно высказывание уважаемого англичанина о «вожде», похвальное, так сказать, и оставляется в стороне другое — имеющее весьма зловещий ответ. Но знаете: оно, это второе высказывание, стало крылатым. «Сталин и Гитлер различаются только величиной своих усюв», — что-то вроде этого. Однако не Черчилль — главный судья нашей истории и роли Сталина в ней. Судья ей — народ, получивший теперь шанс узнать всю правду об «адской машине, которая пользуясь методами средневековья, обладала исполинской силой, фабриковала организованную силу» (слова Бухарина).

Для меня в оценке Сталина решающее значение имеет осознание его как диктатора, преступно узурпировавшего власть, иезуитски извратившего и дух, и букву ленинской концепции социализма, уничтожившего в угоду своей личной беспредельной власти ленинскую гвардию, подорвавшего веру в закон, добро и справедливость и затопившего страну в крови. Что же касается восторгов Черчилля — то, знаете ли, есть люди (и всегда были), которых вдохновляет, очаровывает, гипнотизирует сила, даже если это сила зла. Мне же как-то не хочется опьяняться такой силой; мне хочется смотреть на нее трезво. Это, кстати, диктует и традиция русской гуманистической мысли, высокой духовной культуры.

С точки зрения этой традиции и этой культуры каким немислимым лицемерием кажется мне Ваш пассаж о первопроходцах социализма, честь и достоинство которых Вы беретесь отстаивать, защищая их от «абстрактного морализаторства со стороны лиц, далеких от того грозного времени и от людей, которым пришлось тогда жить и работать». Людям, которым пришлось тогда жить и работать, пришлось также целыми коллективами согласно, дружно, с энтузиазмом требовать расправы над первопроходцами. Их честь и достоинство погибли в застенках НКВД, растоптанные, заплыванные, изувеченные. И ведь уже известно: 1108 из 1966 делегатов XVII «съезда победителей» арестовано, 110 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на этом съезде, уничтожено. Как быть с этими цифрами? Вам, защитнику первопроходцев, они не сняты по ночам! Скажите лучше, что есть два списка: в одном из них расстрелянные, искалеченные, задушенные — им несть числа, в другом — те, честь и достоинство которых Вы отстаиваете; среди них и окажутся Ваши первопроходцы — Сталин, Берия, Ежов, Ягода, Вышинский. Тогда действительно наш разговор перестанет быть абстрактным морализаторством.

«В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы», — это еще один «воспитательный» принцип, который Вы утверждаете.

Может быть, я отношусь к этому малому числу людей, которых все-таки многое смущает в личности Петра. Может быть, я и вовсе одинока в этом своем смущении. Но я всегда стараюсь отдавать себе отчет в так называемом европеизме нашего просвещенного монарха, который подвергал инакомыслящих мучительной казни через копчение и четвертование, который создал первую в России газету и основал первый русский театр в целях пропаганды войны отнюдь не оборонительной, который проводил свои реформы на костях и на крови русских крестьян. Не за подобные ли личные качества ценил Сталин другого нашего монарха, Ивана Грозного? Мне по-

добные качества не безразличны. Цена таких реформ мне представляется непомерно высокой. И нравственный аспект петровской эпохи очень сдерживает мои восторги по поводу ее величественных результатов. Этот аспект, я убеждена, имеет более значительный воспитательный потенциал, чем несмущающаяся апология силы и власти.

Именно так: апология силы и власти — любой ценой. Вот основной принцип, которым не может, не хочет поступиться Н. Андреева. Даже теперь, когда вопрос о цене любых международных акций и государственных решений стал во главу угла, когда принцип гуманизации политики, приоритетность **общечеловеческих ценностей** стали условием выживания человечества, можно ли держаться, цепляясь за принципы, культивирующие **внеморальные** отношения к истории и современности?

С болезненным недоумением читаю я строки статьи, где автор советует переиздать сборник докладов, речей и приказов Сталина — документов, вызывающих «гордость за нашу державу, ее место и роль в бурно изменяющемся мире». И не просто издать, а рекомендовать для воспитания исторического сознания молодежи.

Оторопело смотрю на заковыченное словосочетание «самоценность личности», которое не признает, не принимает Н. Андреева. «Схоластичкой этических категорий» называет она попытки — пока еще слабые, робкие — поставить политику и идеологию на рельсы морали.

Смятенно вслушиваюсь в нечто из области зоологии — о «контрреволюционных нациях», о «леволиберальном социализме», об ответе Троцкого евреям... Химики, видимо, лучше учат, чем филологов, — и я не берусь вступать на скользкую почву этих неблагодарных тем.

С тоской думаю: спор по существу дела, по фактам, по событиям, по именам здесь невозможен. Аргументы все равно не будут услышаны автором. Я не знаю, где и как обучалась Н. Андреева искусству полемики, но ее методические приемы ставят меня в тупик.

«Очень хочу понять, — спрашивает она, — кому и зачем нужно, чтобы

каждый руководитель ЦК партии и Советского правительства после оставления им своего поста был скомпromетирован, дискредитирован...? Откуда взялась у нас такая страсть к расточительству авторитета и достоинства руководителей первой в мире страны социализма?» Как бы мне хотелось вновь и вновь приводить факты о коррупции, примеры о взятках в особо крупных размерах, объяснять, убеждать, что дело не в нашей страсти, а в том еще несовершенном механизме власти, который допускает к руководству Рашидовых и Кунаевых, и о многом, многом другом.

Но — хватит. Бесполезно. Трактат Н. Андреевой, претендующий стать манифестом «настоящего социализма», не требует обсуждения и даже не предполагает его. Он рассчитан на другой вариант: коллективные собрания и единоголосные восторги при полном молчании тех, кто способен что-либо возразить. Он может жить и «работать» только в атмосфере интеллектуального вакуума, идеологического диктата, политического кнута. По сути дела, позиция Н. Андреевой — это и есть неутолимая жажда кнута.

Демагогическим кнутом, догматической плеткой вогнать пробуждающееся сознание в состояние столбняка; цинизмом, маскирующимся под патриотизм, растлить новые поколения молодежи, отобрав у нее право на духовную свободу и творческое строительство жизни; оскотить историю и застолбить кулачный принцип в «борьбе за идеалы» на все века; заковычить, взять в скобки общечеловеческие ценности, совесть и правду, добро и справедливость, провозгласив их леволиберальным уклоном, — вот далеко не полный набор неотложных педагогических задач, предлагаемых сегодня, на четвертом году перестройки.

Казалось, этап кнута, период плетей, эпохи палок навсегда позади. Казалось, мы взяли некий рубеж, перешли некий барьер и утвердились на новом, пусть еще небольшом, но хорошо освоенном, удобренном участке земли. Казалось — почудилось, померещилось — мы обрели гарантии необратимости демократического процесса. Публикация в «Советской России» — серьезнейшее испытание

надежд, опаснейшая попытка повернуть все вспять, обратить успех в поражение, гласность в немолту, доверие в страх.

Сейчас, когда перестройка в области образования, просвещения, воспитания назрела как никогда остро, когда нужно действительно идти дальше, смелее, активнее, работать больше, серьезней, честнее, нас снова возвращают к нулевому циклу.

Но признаюся, первоначальная оторопь постепенно проходит. Становится спокойнее, особенно если вдуматься, как идеология кнута давным-давно разгадана, описана, высмеяна.

«Мы каждого гения потушим во младенчестве!» («Бесы», Ф. М. Достоевский) — это и есть та воспитательная программа для нового поколения, которая не потерпит ни творческого духа, ни высокого интеллекта, ни моральной силы, ни повышенной совестливости, ни обостренной памяти, ни «родства к истории родной», ни жажды истины. Ничего умного и честного, талантливого и красивого. Программа, воспроизводящая бездарей и инфантильных паразитов, повинующихся кнуту.

Собственно, по этой программе мы и жили не одно десятилетие, по этой программе — в соответствии с «Кратким курсом» — писались учебники истории для наших детей. Какие сейчас предстают учебники?

Но при всей генетической различности явления, меня все же неотступно тревожит вопрос: что же это за преподаватели, для которых гуманизм — нечто ругательное и обязательно наказуемое? Что это за воспитатели, гуляющие со студентами в парках Петергофа и проповедующие кулачную идеологию? Что это за граждане, объявляющие себя монополистами на истину? И что это за женщины (даже если это понятие классовое), которым нравятся философские дискуссии о гипертрофии цены на человеческую жизнь? Неужели они все — в одном лице? Я в это не верю. Как, надеюсь, не поверит всему многословному меморандуму Н. Андреевой студенческая молодежь, у которой сейчас есть и хороший выбор книг, и завидная свобода мысли.

Прочитую одно письмо, написанное

сто с лишним лет назад. Его автор — Ф. М. Достоевский, его адресат — детская писательница Х. Д. Алчевская. «Вчера вдруг узнаю, что один молодой человек, еще из учащихся (где — не могу сказать), и которого мне показали, будучи в знакомом доме, зашел в комнату домашнего учителя, учившего детей в этом семействе, и, увидав на столе его запрещенную книжку, донес об этом хозяину дома, и тот тотчас же выслал гувернера. Когда молодому человеку, в другом же семействе, заметили, что он **сделал низость**, то он этого не понял... Тут характерен был особенно, как мне передавали, тот процесс мышления и убеждений, вследствие которых он **не понял**».

Сформировать у молодежи такой процесс мышления и убеждения, вследствие которых донос осознается как низость, — это и есть, в сущности, подлинная программа нравственного воспитания. Ее надежнейший критерий.

И еще немного о доносах.

«Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории Отечества», — завершает свое письмо Н. Андреева. Да, именно: выстраданы. Те, кто страдал, те знают, чем оборачивался шелест газетных страниц со словами: «размывают грани и критерии научной идеологии», «насаждают внесоциалистический плюрализм». Те, кто страдал, те знают цену, заплаченную на крутых поворотах истории Отечества за такие клейма.

Знает ли Н. Андреева, какой резонанс произвело ее письмо как раз среди студенческой молодежи? Мне пришлось слышать и такое: «Ну, началось...» Ибо такая смесь демагогии и политической спекуляции, запугивания и одергивания — слишком известный, до боли знакомый и уже различаемый людьми молодыми знак. **Сигнал.**

Я хочу завершить свой ответ той же цитатой из М. Горбачева, которую приводит в конце письма Н. Андреева: «Мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими, марксистско-ленинскими принципами».

Только понимаю я эти принципы все же не так, как стремится интерпретировать их автор «Письма в редакцию».

Счастливым случай на Биркебейнере

Всем известен заклишированный лозунг: «Спорт — посол мира». Эта фраза уже настолько навязла в зубах, что почти исчезла со страниц наших журналов и газет. Считается даже плохим тоном упоминать ее...

...На финише 55-ти километрового марафона Лиля Романенко потеряла сознание и упала. Тут произошло неожиданное. Вместо того, чтобы фотографировать «павшую» советскую гонцицу, американские журналисты бросились снимать с себя теплые куртки, шарфы, шапки, пытаясь быстрее закутать нашу лыжницу. Лилю со всеми предосторожностями, с полицейским эскортом срочно отправили в больницу: резкое переохлаждение организма и упадок сил. И только после этого журналисты стали расспрашивать нас, членов советской делегации, о Лиле, о ее спортивных достижениях.

Да, это было труднейшее испытание. «Американский Биркебейнер», крупнейший лыжный марафон США, восемь тысяч лыжников из двадцати трех стран. В этом году это соревнование, проводившееся уже в шестнадцатый раз, впервые приветствовал президент США Р. Рейган. И впервые, по приглашению антивоенной организации «Лыжники за мир», делегация советских сторонников мира, составленная из представителей Мурманского областного комитета защиты мира, приняла участие в подобном мероприятии.

Чего греха таить, мы как-то привыкли, что антивоенное движение — это обязательно митинги, шествия, мани-

фестации, сборы подписей, пикетирование военных баз и полигонов... Но в нашем случае спорт оказался действительно «послом мира».

...В Миннеаполисе, в культурном центре под названием Плимут церковь шло взаимное знакомство. Представлял нас Том Хансен, почти двухметрового роста американец, создавший антивоенную организацию «Лыжники за мир». Цель ее — работать для взаимопонимания, дружбы и мира через организацию крупных международных лыжных марафонов в различных странах мира, в первую очередь США и СССР.

Его друг — Пол Томпсон, уже десять лет возглавляет организацию «Лыжники против голода». Задача, стоящая перед этой организацией, более скромная — покончить с голодом на планете к концу этого века, она и была спонсором советской делегации. Заботились о нас и Терри Гипс, директор организации, борющейся против применения пестицидов в сельском хозяйстве, и обаятельнейшая Джованья Дагостино — Мама Ди, как ее все называют в Миннеаполисе, известная на весь штат Миннесота как хозяйка лучшего итальянского ресторана, где нас угостили прекрасным ужином, и как ведущая телевизионной программы «Рецепты Мама Ди», и многие другие. Грузия, да и только. Только дома повыше и машин побольше.

Советскую делегацию возглавлял председатель Мурманского областного комитета защиты мира Владимир Горячев. Наверное, самыми популярными русскими были «советский конгрессмен», как его называли наши американские друзья, Анатолий Дорофеев, депутат Мурманского областного совета народных депутатов, и Тимур Баланин, детский тренер по лыжам.

Толя, донской казак и обладатель прекрасного голоса, просто заворожил своими казачьими песнями наших хозяев. За Тимуром, которому никто не давал его пятидесяти восьми лет из-за его жизнерадостности, искрометного юмора, буквально охотились американские журналисты. Он стал теле-, радио-

звездой, особенно после того, как победил в своей возрастной группе в двух марафонах — в тридцатикилометровом в городке Мора под названием «Васалопет» и в «Американском Биркебейнере».

Мы посетили несколько школ. В начальной школе города Хейварда или, как ее называют, школе первой ступени, в нашу честь устроили большой концерт. Пришлось и нам вспомнить школьные уроки пения и спеть несколько русских и советских песен. Судя по реакции зала, получилось неплохо. А Лена Калиберова, преподавательница английского языка из Мурманска, даже провела небольшой урок русского языка среди первоклашек.

Ребекка Альбрехт и Чак Хейх были нашими гидами в редакции газет двух городов (Миннеаполиса и Сент-Пол) «Стар Трибюн». Газета довольно крупная: тираж достигает 640 тысяч экземпляров. Знакомая с работой местных журналистов, мы были приятно удивлены той доброжелательностью, с которой нас встрятили в этом издательстве. В день нашего приезда в Миннеаполис многие газеты вышли с заголовками на русском языке: «Счастливы случаи на Биркебейнере», «Добро пожаловать, русские друзья!», «Впервые русские лыжники на «Американском Биркебейнере».

Чак Хейх, репортер «Стар Трибюн», рассказывал, что американцы в провинции все больше интересуются жизнью СССР, многие побывали уже в нашей стране, а после поездки выступили на газетных страницах. Даже по письмам, которые приходят в газету (а в год их число достигает 300 тысяч — такой читательской активности можно только позавидовать), видно, что стрелка политических симпатий американцев к Советскому Союзу склоняется к дружбе с СССР. Чак говорил, что во многих письмах читатели требуют правдивой информации о России.

Кое-какие застарелые предрассудки в отношении нас у американцев есть и они весьма живучи. Например, студенты университета штата Миннесота, изучающие русский язык, подробно расспрашивая нас о системе выборов в Верховный Совет, задавали такие вопросы,

которые невольно наводили на мысль, что сведения о нашей избирательной системе они почерпнули из справочников о тоталитарных режимах Латинской Америки.

Собираясь в эту поездку, мы готовились к политическим баталиям, готовили «домашние заготовки» ответов на каверзные вопросы. Но странно, тех обостренных политических дискуссий которых мы ожидали, просто не было. Может, наши корректные хозяева не хотели нас слишком утомлять, а может, в нас самих сработал стереотип выработанный десятилетиями: каждый советский, отправляющийся на Запад, едет в лагерь врага, где его постараются если не завербовать спецслужбы, то во всяком случае втянуть в антисоветскую полемику. Ничего этого не было. Мы были просто в гостях у хороших людей. Чем-то они напоминали нам наших сибиряков. Наверное из-за довольно сурового климата (в некоторые дни температура воздуха достигала -30°C) и не менее жизнерадостного характера.

Говоря об Америке, мы часто вспоминаем, что это страна эмигрантов, забывая о том, что переселенцы всегда были сильны взаимопомощью и взаимовыручкой. И этот дух первых переселенцев времен Фенимора Купера остался у современных американцев. Нам буквально все хотели чем-то помочь, объяснить дорогу, отвести в интересное нас место, вкусно накормить, да и просто помочь в решении других десятков проблем, возникающих перед человеком, впервые попадающим в незнакомую страну.

Обычно принято говорить, что когда ты уезжаешь откуда-то, обретаешь новых друзей, то оставляешь там частицу своего сердца. Наверное, так и есть. Сегодня многие люди на Востоке и на Западе стараются как можно быстрее разрушить образ врага в лице друг друга. Но на том кусочке американской земли, где мы побывали, этой проблемы не существует.

Миннеаполис — Хейвард — Москва

Владимир БОГДАНОВ,
наш специальный корреспондент

Безопасность и затратный подход

Игорь МАЛАШЕНКО,
кандидат философских наук

В большинстве стран проблемы безопасности и внешней политики стоят в центре острых идейно-политических дискуссий, в ходе которых «верхи» стремятся отстоять официальный курс перед лицом критики с самых разных сторон. Такое положение дел возникло не случайно: как ни раздражают порой творцов политики выступления прессы и общественности, такого рода дискуссии позволяют выработать альтернативные подходы, избегать ряда ошибок и просчетов.

Мы же сегодня оказались в несколько парадоксальной ситуации. Как говорит министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, «по многим основным вопросам внутренней жизни во всех ее проявлениях, партийного и государственного строительства, экономики, культуры, искусства, науки появились смелые, интересные, дискуссионные статьи. И ничего похожего в области внешней политики. Неужели здесь у нас все правильно и не существует иных вариантов, чем те, которые осуществлялись?»

Как ни странно, это приглашение к дискуссии по внешнеполитическим вопросам, идущее «сверху», остается почти без ответа со стороны нашей прессы. Конечно, во многом сказывается отсутствие традиции такого рода дискуссий. Многие склонны, вдобавок, нервно оглядываться на границу, где каждую «неортодоксальную» точку зрения, высказанную в СССР, привычно объявляют симптомом изменения официальной позиции, «сигналом», рассчитанным на ту

или иную страну или определенные круги в ней и т. п.

И все же я сомневаюсь, что в условиях быстрого развития гласности, рушащей привычные каноны, эти препятствия могли бы сыграть решающую роль. Скорее причина коренится в том, что мы склонны рассматривать проблемы обеспечения безопасности и внешнеполитических интересов страны в отрыве от вопросов внутреннего развития, как обособленную и несколько загадочную «вещь в себе».

Хорошо, однако, известна ленинская мысль о том, что ненаучно выделять внешнюю политику из политики вообще. Это вопрос не только теории. Из этого следует, что внешняя деятельность государства должна быть непосредственно связана с задачами развития общества в целом. Между тем, как отмечает министр иностранных дел СССР, внешнеполитическая служба «выполняла свои обязанности в отрыве от коренных жизненных интересов страны. Это и есть самая настоящая ведомственность, когда функция внешней политики предстает как самоцель».

Думаю, по мнению многих, в подобной «самоцельности» ничего дурного нет. Ведь есть ли что-нибудь важнее цели обеспечить безопасность нашей страны на международной арене — цели, которая стоит в центре нашей внешней и военной политики? На протяжении многих лет нам казалось, что для решения проблемы безопасности достаточно гарантировать нашу страну от угрозы изв-

не, и мы демонстрировали готовность заплатить любую цену для решения этой задачи. И это совершенно естественно, учитывая трагический опыт нашей истории. При этом, однако, мы проглядели, что в обществе накапливались проблемы — экономические, социальные, национальные, наконец, — которые в долгосрочном плане реально способны ослабить нашу безопасность. Ведь в конечном счете ее основой является динамично развивающийся социалистический общественный строй.

Решение накопившихся в нашем обществе проблем требует мобилизации всех ресурсов, которые мы уже не можем тратить, не считая. «Главное — чтобы страна не несла дополнительных расходов в связи с необходимостью поддержания обороноспособности и защиты своих законных внешнеполитических интересов, — говорит Э. Шеварднадзе. — Просчитывая варианты, предлагая решения и рекомендации, мы должны сравнивать и материальные затраты. И в политику вводить антизатратный принцип».

Конечно, соответствующие ведомства многое могут в этом плане сделать. Много, но не все. Было бы не вполне справедливо возлагать лишь на министерства, занятые поддержанием обороноспособности и обеспечением внешнеполитических интересов страны, ответственность за ведомственный подход к этим проблемам.

И дипломатическая служба, и Вооруженные Силы — это неотъемлемые части нашего общества, и в них отражаются и наши успехи, и наши проблемы. А ведомственность — это неизбежное порождение сложившейся в нашем обществе всеисильной Административной Системы (как ее очень точно определил советский экономист Г. Попов). Если административно-бюрократические методы управления «задавили» экономические, если в обществе неразвита система демократических процедур, позволяющая установить баланс между интересами различных ведомств, то каждое из них неизбежно начинает относиться к собственным задачам как к самоцели. А коли так, то всякое ведомство стремится увеличить затраты в своей — самой важной — области. Ведь неотъемлемой чертой Административной Системы являет-

ся не только ведомственность, но и затратный подход к экономике, и даже целая затратная философия.

Если общество вкладывает миллиарды рублей в какой-то очередной «проект века», то тем самым — как говорят логики, по определению — он становится воплощением высшей мудрости и вопрос о его реальной общественной полезности просто не обсуждается. Издержки такого подхода огромны — загнипотизированное строительство гигантских гидроэлектростанций, общество в целом (не смотря на отдельные протестующие голоса) как-то не задумывалось о миллионах гектаров уходящей под воду плодородной земли, создаваемых экологических проблемах и т. п.

За осуществлением подобных проектов стояли, однако, интересы вполне определенных ведомств, как это с особой отчетливостью проявилось в ходе дискуссии по проекту «поворота» северных рек, когда несколько министерств и других организаций отчаянно пытались выдать свои собственные интересы за интересы общественные. Раньше это «проходило»: ведь чем больше объем затрат в данной области, тем более важными и полезными в глазах общества выглядели и соответствующие ведомства. Собственно, мы и сегодня не сошли с накатанной колеи, Минводхоз, например, усиленно проталкивает проект строительства плотины, которая отгородит Днепр от Черного моря. Издержки — огромны. Но зато... Стоимость строительства намного превысит миллиард рублей!

В адрес всяческих «поворотчиков» у нас высказано много справедливых упреков. Но не похоже, чтобы на многих это произвело слишком глубокое впечатление. Да это и понятно: ведь все мы, навверное, осознанно или неосознанно, «по долгу службы» в той или иной мере проводим ведомственные интересы. Видимо, дело не в установлении утопической гармонии, при которой всякое ведомство «покается» и откажется от своих частных интересов, а в том, чтобы четко их уравновесить и обеспечить тем самым соблюдение интересов всего общества.

Но для этого надо прежде всего честно взглянуть на наши проблемы во всех областях, в том числе реалистически оценить интересы всех ведомств. Вряд ли,

скажем, каким-то нашим министерствам удалось избежать ведомственного подхода, и потому не стоит думать, что, например, Минэнерго находится во власти ведомственных интересов, а МИДу или Министерству обороны целиком и полностью удалось этого избежать. «Если быть до конца честными,— говорит наш министр иностранных дел,— то мы нередко содействовали, а иногда и проводили огромные материальные инвестиции в безнадежные внешнеполитические проекты...»

А уверены ли мы в том, что никогда не действовали по затратному принципу при обеспечении безопасности нашей страны? Затратный подход к развитию промышленности, которое десятилетиями шло по экстенсивному пути, привел к тому, что стоимость неиспользуемых производственных мощностей превышает 100 миллиардов рублей. Не могли ли мы в избытке развернуть и какие-то системы вооружений, действуя по тому же принципу?

Это не притянутая за уши параллель. Ведь в оборонном секторе нашей экономики, пожалуй, в наиболее чистом виде действуют законы Административной Системы. Более того, в предвоенные годы эта система во многом и создавалась ради того, чтобы обеспечить надежный оборонный потенциал страны, ускоренное развитие военной промышленности.

Танк (вкупе с трактором) стал одним из символов индустриализации страны, предметом нашей гордости еще в предвоенные годы. «Броня крепка и танки наши быстры...» В начале войны эти слова приобрели привкус горечи: уже на заре своего существования Административная Система давала сбой, и в подготовке вооружений для армии обнаружались ошибки, вызванные, по словам бывшего наркома вооружений, а затем наркома боеприпасов Б. Ванникова, «диетантским верхоглядством». Тем не менее, огромные затраты на создание военной промышленности сторицей окупались в ходе войны — одним из слагаемых нашей победы стало то, что мы превзошли Германию по выпуску основных видов оружия — орудий, самолетов, танков. Мы это хорошо запомнили.

Мы также давно усвоили, что чем

больше капиталовложений мы помещаем, например, в тяжелую индустрию, и, соответственно, чем больше угля добываем, стали выплавляем и тракторов производим, тем сильнее наша экономика. А не кажется ли нам порой, что чем больше у нас танков, тем нерушимее наши границы? Но тогда, по сути дела, мы ставим во главу угла пресловутый «вал», который является неизбежным спутником затратного подхода. Мы, скажем, производим в 6—7 раз больше тракторов, чем США,— но их не хватает, потому что значительная часть тракторного парка по разным причинам простаивает. Поэтому трактор из символа успешной индустриализации порой, увы, превращается в свидетельство неспособности Административной Системы приспособиться к реальным современным потребностям народного хозяйства.

Наши недоброжелатели на Западе превратили танк в символ «советской угрозы», без устали говорят о нашем «танковом превосходстве». Мы знаем, что в этих страхах много наигранного. Однако уверены ли мы в том, что с нами и здесь не сыграл злую шутку затратный принцип? Ведь на Западе признают, что многие советские танки — это машины устаревших моделей. Конечно, хорошо, что таким образом удается поумерить опасения по поводу «угрозы с Востока». Но, может быть, нам следует задаться вопросом о том, не стоит ли отказаться от какой-то части устаревшей военной техники, которая, возможно, лишь поддерживает «валовые показатели»? Сегодня в нашей промышленности остро стоит задача — избавиться от старого оборудования (сроки его эксплуатации у нас одни из самых больших в мире). Не сталкиваются ли с подобной проблемой и наши военные? Известно, что у НАТО по сравнению с Организацией Варшавского Договора гораздо больше противотанковых средств. Конечно, каждая сторона сама делает свой выбор. Но ведь противотанковые средства гораздо дешевле танков. Так практически ли делать акцент на более дорогое оружие?

Издержки затратного подхода особенно заметны, когда речь идет о ядерном оружии. В доядерном мире лишь при-

мерно равные в количественном и качественном отношении силы сторон были способны уравновесить друг друга. Соответственно, наращивание этих сил могло в принципе обеспечить одной из сторон и большую безопасность. Ситуация кардинально изменилась в ракетно-ядерный век, когда наращивание ядерных арсеналов само по себе не может дать большей безопасности. Ведь в нынешних условиях каждая из сторон сохраняет способность разрушить противостоящее общество и тем самым удерживать его от нападения.

Не приходится сомневаться, что даже самая ограниченная ядерная война в Европе была бы катастрофой невиданных масштабов. Да и не только ядерная. В условиях, когда на европейском континенте размещено около двух сотен реакторов атомных электростанций, любая война превратила бы Европу как минимум в окрестности Чернобыля.

Между тем, в европейской части у нас было размещено 243 единицы одних РСД-10, несущих свыше 700 боеголовок. Разумеется, за их размещением стояла целая система аргументов, четкая военная логика. Но разве не было логики в проекте «поворота» северных рек?

Дело заключается в том, что в наши дни обеспечение безопасности во все большей степени предстает не как военно-техническая, а как политическая проблема. А из этого вытекает необходимость ставить во главу угла при принятии любого решения в этой области именно политические соображения (как, скажем, прореагирует на наши действия другое общество? И не нанесут ли в итоге наши действия ущерб нашим же интересам?). Мы же явно недооценивали политические факторы. Да это и неудивительно.

Если обеспечение безопасности является, так сказать, ведомственной задачей, то каким образом можно рассчитывать, что она будет решаться как проблема политическая? Для того, чтобы учесть все многообразие политических факторов, а главное выяснить, что соответствует интересам общества, а что — нет, нужна открытая демократическая дискуссия. В итоге при выработке решения можно будет опираться не только на ведомственную точку зрения.

Если общество может согласно и с несомненной пользой для себя обсуждать проблемы экономики, то почему оно не может вести столь же плодотворную дискуссию о путях и средствах обеспечения собственной безопасности? Как мы все больше убеждаемся, это взаимосвязанные проблемы. Развернули бы мы наши РСД в таком количестве, если бы над нами не довлел затратный подход и магия валовых показателей? И наоборот, не несет ли дополнительных издержек наша экономика в связи с ведомственным подходом к проблемам безопасности?

Тот факт, что согласно договору по ракетам средней и меньшей дальности (РСД-РМД) нам придется сокращать больше вооружений, чем американцам, вызвал определенную обеспокоенность у части советских людей — вызвал, несмотря на авторитетные разъяснения экспертов о том, что для подобного беспокорства нет оснований. Но это и неудивительно. Ведь в основе такая привычная логика: если мы сокращаем больше «по валу», то наша безопасность, соответственно, становится «меньше» американской.

Осознание всеми реальностей ракетно-ядерного века потребует, конечно, времени. Впереди же, как мы надеемся, новые соглашения, и прежде всего договор о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Если он вступит в силу, то Соединенным Штатам, к счастью, придется сокращать больше боеголовок, чем нам.

И тем не менее их безопасность ничуть не пострадает, как не пострадает и наша вследствие договора по РСД-РМД.

Однако вопросы возникнут, думается, и в этой связи. Почему, скажем, в некоторых официальных документах все советские межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) по-прежнему фигурируют под американскими обозначениями? Продолжается история РСД-10, которую мы долгие годы знали только по присвоенному ей американцами обозначению СС-20? А ведь честно говоря, надоело называть наши ракеты придуманными в ЦРУ именами, как не хотелось в свое время полагаться на публиковавшиеся за кордоном данные о состоянии нашей экономики.

Стоит спросить: почему у американцев шесть типов стратегических ракет, а у нас — тринадцать? Разве это рационально? Всякий человек, знакомый с аналогичной проблемой в промышленности, скажет, что это означает резкое удорожание технического обслуживания, требует больших затрат на обучение персонала и т. п. Я вспоминаю об этом, например, входя в московское метро, в котором установлены эскалаторы множества разных типов и модификаций, что сбивает с толку даже опытных ремонтников. Я понимаю, что ракета — не эскалатор, но, видимо, тем дороже это обходится.

Нашей партией поставлена задача — руководствоваться в деле обеспечения безопасности страны принципом разумной достаточности. Кроме всего прочего

это означает использование антизатратного подхода к поддержанию нашей обороноспособности на нужном уровне. Но для этого надо сначала разобраться, где и когда в прошлом мы от этого принципа отступали. Конечно, военная экономика — статья во многом особая, не всегда повторяющая путь развития экономики в целом. Тем важнее понять, по каким законам она функционирует. И если окажется, что проведенные в этой статье параллели неверны, это может нас только порадовать. Это будет означать, что части наших ведомств и в прошлом удавалось избежать издержек Административной Системы и затратного подхода. Тогда этот опыт окажется достоянием всего нашего общества.

ЭКОЛОГИЯ ЖИЗНИ — ЭКОЛОГИЯ ДУХА

Татьяна АЛЕКСАНДРОВА

Что такое — «утренный паралич делового человека»? Верещит будильник, и вы, еще не открыв глаза, вспоминаете о гряде предстоящих нудно-неотвратимых дел. И все-таки... лежите. Лежите и злитесь на себя, и чем больше злитесь, тем крепче голова приклеивается к подушке.

С человечеством — нечто подобное сегодня происходит: от одного напоминания о той работе, за которую — хочешь не хочешь — а берись! — так и тянет зажмурить глаза. Многие — даже рады бы негласно вписать право думать только когда хочется (а нет вдохновения — то и вообще не думать) в основные права и свободы человека. Результат — налицо. Нет еще нас — сплотившихся в один живой организм. Потому нет, что хоть и злимся на себя — а все же пытаемся продлить вдвойне теперь сладкий покой: понаслаждаться хоть напоследок драгоценной свободой...

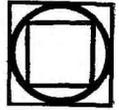
С какими взглядами на наши общие тревоги подошли люди к сегодняшнему дню? Цельных теорий и концепций в этом плане научный мир так еще и не успел выработать. Как сказал, выступая на VIII Международном конгрессе по логике, философии и методологии науки, состоявшегося в Москве в августе прошлого года, канадский ученый У. Медоуз, если бы нас сейчас могли слышать те, кто в начале 70-х составлял первые глобальные прогнозы, они были бы озадачены и разочарованы.

Да, мы определили постепенно круг глобальных недугов и научились выстраивать из них цепочки бесконечной

взаимозависимости. Сегодня уже и школьник отчеканит без запинки: десять миллионов тонн нефти, разбавляющие ежегодно океанскую воду, оборачиваются засухой и неурожаями, а те — доводят до беспросветности нищету и кабалу неиндустриального мира, а нищета сеет бескультурье и малые конфликты, за которыми невооруженным глазом видны новые гектары выжженной почвы и самая лютая бедность...

Такие замкнутые круги мы очень красиво научились вырисовывать. Но только вот дальше — замирает мысль в растерянности: круг-то требуется разорвать, а мы следим за его верчением, так и не решаясь определить — с какой стороны подступиться. Установить баланс между теми опасностями, которые сулят развитие каждого общечеловеческого недуга, и попытаться лечить их «в системе»? Но система — это представление о соподчиненности звеньев, а мы — чем дальше, тем больше рискуем заблудиться в размышлениях о том, где из них главные, а где второстепенные.

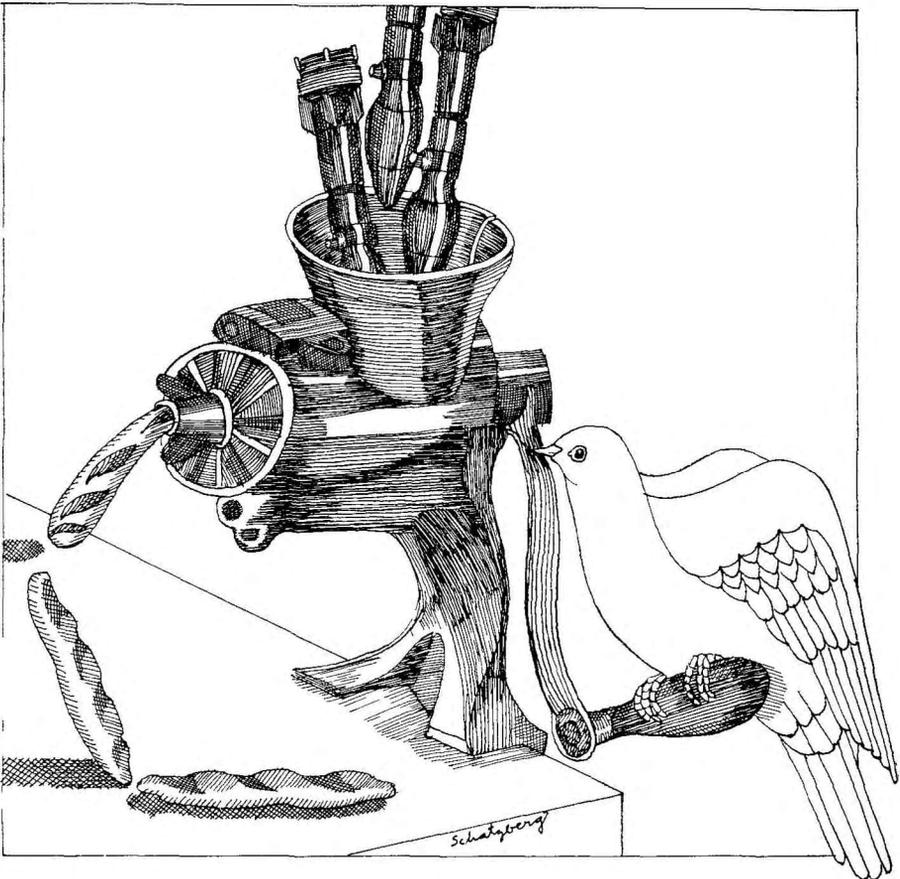
Что теперь представляет собой «дерево» общепланетных проблем? Еще лет десять назад оно казалось отнюдь не таким разветвленным, как сегодня. Насчитывали отдельные, самые заметные сучья, требующие общего ухода: разоружение, экология, освоение космоса и мирового океана, новый экономический порядок, рост населения, сырье... А сегодня — дерево уже видится как бы в тумане: очертания веток искажаются, переходя на глазах в

сплошную текучесть.

Даже совсем недавно отдельные сферы нашей жизни лишь «частями» воспринимались как глобальные. Заходила речь о неурядицах в мировой экономике — и раздумья ученых стекались к определенной веренице забот: военные расходы, немислимые «ножницы» в распределении богатств, оскудение ресурсов. А теперь — да все мировое

производство как бы становится сплошной головоломкой для глобалиста! Вот уже всплыла на передний план и вопрос о его технологической рациональности, который все теснее смыкается с природоохранными требованиями. Как подсчитал профессор Никита Моисеев, человек в наши дни — примерно в две тысячи раз более активный мусоросбрасыватель, чем сама природа. Так

ШАТЦБЕРГ (Франция)

что, кто знает, может, скоро уже с полной серьезностью будем обсуждать идею писателей-фантастов о создании наряду со спутниками специальных орбитальных мусорных ящиков... Ну а если взглянуть на проблему с другого конца, понятия производства, образования и физического здоровья человечества окончательно сплелись в новый узел проблем. Развитие техники идет по нарастающей, доходя, как болезнь в критической стадии, до состояния горячки: станочно-компьютерный мир уже обошел возможности нашего организма, разрыв продолжает угрожающе расширяться, и в эту пропасть грозит кануть все человечество, если не приспособит интеллект, волю и выносливость к новым темпам.

А проблема информации? Когда-то здесь красовались два основных лозунга — «правдивость» и «справедливость обмена». Теперь приходится вписать и третий, без которого ценность предыдущих может быть похода аннулирована, — своевременное получение тех сведений, которые гарантируют наше выживание. Никакая самозащита уже невозможна, если они добираются до человека с такой же скоростью, как земной сигнал до какой-нибудь звезды Эридана... Карта информации сегодня неисчерпаема — но такой простор и требует, чтобы его пересекали оперативно. Но, как сказал на конгрессе американский ученый Х Росс, «Пока же мы нуждаемся в визах и паспортах, чтобы продвигаться по этому ландшафту. Владельцы крупных вычислительных центров по соображениям выгоды или «большой политики» продают свои данные далеко не тем, кто в них нуждается прежде всего...»

А урбанизм? Физические и нравственные недуги века — СПИД, наркомания? Все они уже приняты в ведомство глобалистики. Кроме того — и вся замкнутая цепочка земных неустойчив по-новому высвечивает и «высокий» вопрос о самой осмысленности человеческого существования в наши дни. Зачем рассказывать школьникам о Шиллере и Толстом, если через два года ваши бывшие подопечные не будут отходить от винных ларьков? Зачем новые научные поиски, если разрозненность

наших интеллектуальных усилий уже привела к тому, что тысячи исследованных в мире дублируются — удельный вес повторно предлагаемых научно-технических решений достигает уже 60—80 процентов? Может, дефицит общего Смысла, это неизбежное следствие наших неурядиц, тоже причислить к общепланетарным тревогам?

Вся жизнь наша понемногу превращается в сплошную наболевшую глобальную проблему. И мы, инстинктивно пытаюсь продлить состояние прежнего бездумья, озираемся вокруг, отыскивая некий особый, идеально выверенный разум, который классифицирует признаки болезни и определит курс лечения. Научность, главное научность, нужна целая система глобальных исследовательских и практических программ! Давно наш род ушел от «естественного», бессознательного потребления жизни, и никогда уже человеку не придется вернуться в мир прежней беззаботности. С середины века мы уже раз и навсегда осуждены на беспросветную дисгармонию между сообществом и природой, между жесткими требованиями прогресса и истощенностью прежних ресурсов цивилизации. Начинается «искусственная» эпоха глобального научного подхода к любой парадигме существования...

Но если вдуматься — такая ли уж пропасть легла между настоящим и прошлым? Любой организм попадает в неестественные, «искусственные» для него условия, если изменится среда обитания. Тогда он должен целиком переорганизовать свою жизнь, чтобы возобновить ее гармонию. Значит, «искусственность» нашей сегодняшней задачи — перестроить мир на более разумных началах — сама по себе есть выражение закономерности жизни. А перестраиваться — это значит всему человечеству приспособляться к требованиям XX — да уже и XXI века, — а не только отдельным каким-то его «подсистемам». Живой организм должен и меняться по-живому — целиком, каждой отдельной своей клеткой. Только это — продолжение развития, а не микстура против безнадежных метастазов.

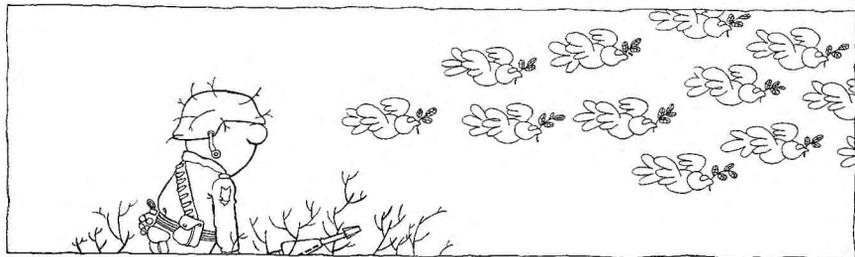
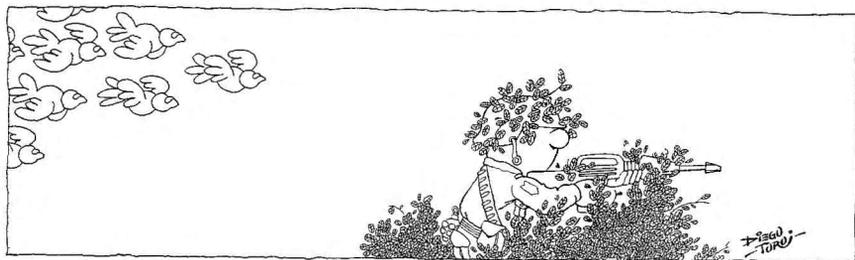
Выходит, и любой разговор о мировых проблемах придется начинать с отдельной живой клетки — с человека. «Ничего не остается сегодня, кроме упования на духовные качества людей, — говорит председатель Философского общества СССР академик Иван Фролов. — Все остальное оказалось недействительным».

Мы можем принять тысячи глобальных решений — и все это увенчать новым Чернобылем только потому, что сработает автоматизм «ветхого человека». Термин этот когда-то придумал М. Салтыков-Щедрин для характеристики тех помещиков, которые со своей крепостнической психологией так и не нашли места в пореформенной России — закружились и затерялись в водовороте перемен. Ну а нынешняя система внутрисоюзных и мировых отношений не воспроизводит ли тоже своего «ветхого человека», начисто лишённого того «приспособительного аппарата», той духовной культуры, которая может стать для него спасательным канатом? И что, спрашивается, тому больше виной: бескультурие или

бессистемность «строго научного» отношения к окружающему?

Все призывают к решению общепланетных проблем, но миллионы людей даже не в состоянии осмыслить то, о чем мы тут сегодня рассуждаем, говорил на конгрессе эфиопский делегат. Вот советский космонавт рассказывал, как он наблюдал с земной орбиты лесные пожары в Африке. Люди сжигают леса, чтобы освободить землю под пашни, а поднимающийся дым образует циклонные процессы у берегов Латинской Америки. Но ведь разве это — только экологическая драма? Миллионы людей до сих пор даже не могут осмыслить своих действий в общечеловеческом контексте. И если северные народы не в состоянии изменить ситуацию, можем ли мы и их в таком случае называть цивилизованными? Видимо, пока это слово возможно употреблять только в кавычках.

Значит, и образованность не дает пока права претендовать на столь высокое звание? Если подсчитать в одном столбце недуги, которые несут земле те, кто калечит ее своей безграмотно-

Диего Торо ПЕЛАЭС (Колумбия)

стью, а в другом — ущерб от «научно продуманных действий политиков и ученых, перевес «образовательной» стороны окажется ошеломительным. Строим «обоснованные» планы, работаем «на планету», не замечая, как наш глобальный подход ко всему и вся оказывается полным противоречием тому, чего мы хотим добиться, — сглаживанию дисгармонии на земле. «Научность» логики кажется всеобъемлющей, а на деле сами ученые приходят к выводу, что мозг может всю жизнь работать, не выходя из заданного самому себе круга, опираясь лишь на систему аксиом, выбранную почти произвольно (лишь бы она была внутренне непротиворечива и достаточно полна) и нигде не отклоняясь от логики.

И к тому же ограниченность, замкнутость логических построений, в которых можно вариться без малейшего ощущения дискомфорта, в конце-то концов втайне базируется на вневелогических, интуитивных суждениях. Когда сознание говорит: «Теперь уж вывод точно верен» или «Сейчас уж предпринять действительно нужные меры», мы на самом деле интуитивно решаем вопрос о достаточности того и другого, основываясь не на разуме, а на интуиции, опыте, чувстве самосохранения, удовольствия. Говорим — «Оборона достаточна» или «Мы поняли намерения другой стороны», — но как докажем это разумом, когда достаточность опыта — это вневелогический компонент мышления?

Что и говорить, традиционные приемы мышления апробированы временем. Случится конфликт в семье или авария на заводе — человек интуитивно выстроит необходимую цепочку мер, сообразуясь с прошлым опытом — своим и общественным. Но вот вышла мы на глобальную арену — и «кусочность» логики перестает работать. Что ни день — каскад новых примеров, доказывающих, как на практике «разумность» может доходить до абсурда.

Когда московские специалисты по гигиене «научно» обосновали безвредность лазерного излучения — а сегодня и лишняя сигарета из-за стремительно ухудшающегося экологического фона приносит пятикратный вред! — то сработала, видимо, не просто инер-

ция оглядки — подождать, что скажут в «верхах». Безотказно защелкала инерция логики — вот и были учтены в картине будущего лишь те вредные для здоровья факторы, которые давно уже рассматривались в единой логической схеме. Новые же никак не смогли втиснуться в устоявшиеся рамки... Так же и концепция стратегической оборонной инициативы вроде бы вполне разумна с точки зрения своих посылок (всемирная безопасность), но почему-то сотни жизненно важных вопросов так и не вошли в ее орбиту! Взять хотя бы одно «но»: влияние новых производств на среду и живой организм еще и не изучено как подобает (недаром некоторые круги западной общестственности поговаривают чуть ли не о моратории на их развитие), а к созданию электронно-космической Фемиды подключаются все новые и новые массы людей. Где же тут научная логика?

Узость мысли означает и буксование региональных мер. Бурлящая деятельность тут — одно топтание на месте, когда разум, причудливо сочетая логическое и нелогическое, приходит к «узкому» выводу: «Нам достаточно своих, региональных знаний и действий». Традиционная жизненная логика такова, что человек до сих пор не в состоянии взглянуть на региональные проблемы с подлинной космической высоты. Но возможно ли сегодня любую малую систему лечить малыми силами? Американцы во время конгресса напомнили тут о примере Сахары, которую столетия назад делили между собой десятки племен. У них, наверное, тоже было свое «узкологическое» видение ситуации: каждое племя продумывало какие-то меры, чтобы не отдать свою территорию пескам. Ну а каковы последствия? Пустыню сегодня не всегда останавлишь и силами окрестных народов. Да и не только к экологическим «малым болезням» — и к массе других уже не подойдешь просто с локальной меркой.

Не лечат ли подобное подобным? Переливчатость логики по-змеиному гипнотизирует нас, и мы лишаемся дара видеть за ней истинное течение времени. Не с замкнутых ли кругов мировосприятия расходятся и все круги глобальных противоречий? Нельзя натягивать на ске-

лет кожу и ждать, когда в нем заговорит душа. Нет человечества как живой плоти, как сцепления живых молекул, интеллектуального, нравственного поиска и взаимодействия людей, так и не натянешь на мир продуманную «научность»: того и гляди опять рассыплется под руками.

Наша сегодняшняя «ветхость» — тоже своеобразная замкнутая цепочка. Чем больше научных, логических построений, тем реже прибегаем к нравственному обоснованию своих поступков. Уж если решения научны и объективны, они уже автоматически записываются в категорию полезных и нравственных. Мораль заменяется щелканьем компьютера. Не в том ли заключен и тайный секрет нескончаемых противоречий двух великих держав, которым жизнь не предлагает никаких реальных оснований для конфликтов? Просто каждый привыкает считать основы своей идеологии более логичными, а вместе с тем и более нравственными.

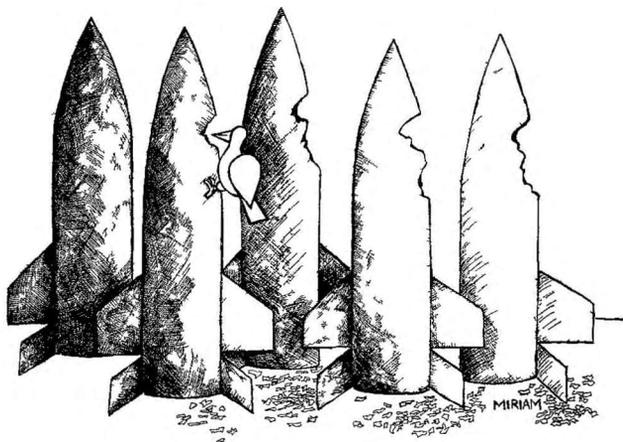
Ну а в чем причина такой однобокости? Не запрятана ли она в самом существующем порядке вещей? На протяжении последнего столетия человек все быстрее превращается в функцию определенной социально экономической системы, в неумеренного производителя жизненных благ и неумеренного их потребителя, система все больше училась

презирать его и помыкать им для продления своего же инерционного хода. И вот сегодня человек-функция воплощен во множестве типов: непробиваемый бюрократ, пенкосниматель-газетчик, ретивый бизнесмен, неуправляемый подросток и неуправляемый генерал... Каждый запрограммирован так, чтобы вертеться лишь в своей узкой логической орбите, и тем самым еще крепче цементирует автоматизм системы.

— Еще не так давно и мы были озачинены тем, чтобы подогнать человека под систему, — говорит профессор Людмила Буева. — Но сегодня такой приспособленный индивид губит ее же будущее. Если человека по-старому использовать как средство, то он сам не в состоянии приспособиться к ее сегодняшним, поминутно меняющимся условиям.

Говорим — перестройка. Но как трудно найти субъект перестройки! И не только нашей, но и мировой...

Мироощущение «рычажка», само по себе безнравственное, возводится в знное количество степеней, соприкасаясь с издержками технического века. Эмоции наши уже привыкли паразитировать, без всякого напряжения потребляя вереницу кино- и телеобразов. А паразитирующий орган рано или поздно ссыхается и отмирает.

Мириам М Алонзо
КАБЕРА (Куба)

Молодой психолог Борис Величковский рассказывает о последствиях телевизионного бума для нашего сознания:

— Еще в первой трети нашего века значительная часть детей дошкольного возраста могла быть отнесена к числу явных или скрытых эйдетиков, то есть людей, способных сохранять яркие образы предметов долгое время спустя после исчезновения их из поля зрения. Когда после шока, вызванного второй мировой войной, исследование образной памяти постепенно возобновились, психологов ждало неожиданное открытие: в наиболее развитых странах эйдетизм практически полностью исчез.

А ведь понятия счастья, красоты, гармонии, любви, одухотворенности, то есть сам стержень нравственного чувства рождается как раз многоцветной системой образов. Вне этого мира нет чуткого отношения к жизни, нравственной интуиции. Кстати, и Лев Толстой начинал изучение «войны» в своем знаменитом романе не с вышних, наполеоновских амбиций, а с самого заурядного Бориса Друбецкого, узкого, «как столовые часы», абсолютно лишенного музыкального чувства жизни.

Преодолеть собственную духовную односторонность, говорит Л. Буева, мы можем лишь на основе одного принципа: именно человек на земле должен стать главной формой общественного богатства, а не те «три кита» — деньги, вещи и власть, которые до сих пор определяли всю систему человеческих ценностей.

Но как подтолкнуть привыкший к заданной программе рычажок, чтобы он превратился в архимедов рычаг всепланетной перестройки? Экология души — вот, наверное, сегодня проблема проблем для науки, привыкшей вторить автоматизму общества.

Все круги расходятся от нас. Но к самой центральной точке труднее всего и подступить. Чтобы работать над такой тонкой мозаикой, как реальный образ человека, надо быть поистине художником, обладать свободным, гуманным мышлением, не зависящим от односторонних интересов системы. И вот тут наука, с такой успешностью забрасывающая нас футурологической литературой, оказывается порой по-

детски беспомощной: истинное лицо человека остается вне интересов государств, ведомств и даже исследовательских институтов. Так самая сердцевина, эпицентр болезни остается бесплотным и бесформенным облаком полущущений-полупонятий.

Вновь и вновь сегодня поднимается «организационный вопрос» — целесообразно ли в наши дни создавать особый Институт Человека? Ответом многих было неуверенное пожимание плечами: ну, соберутся, предположим, под одной крышей все — от антропологов до искусствоведов, позволит ли это нанизать на единый стержень выводы различных специалистов? Да по-прежнему каждый будет просто переливать данные своей научной дисциплины в «общий котел», даже не помышляя, чтобы из этого вышла сколь-нибудь цельная картина.

Ну а может, все-таки стоит подумать? Хотя бы для того, чтобы выработать какие-то общие принципы подхода к нашему современнику? Несмотря на все различия, люди сегодня нуждаются в едином ценностном осмыслении жизни, в создании подлинно гуманистической философии человека, которая могла бы с научных высот спуститься и на уровень массового сознания.

Вернуть, вернуть человековедению вышший, нравственный смысл! Чтобы не расплылась наука на потребу чьих-то суетливых интересов, не пыла по автоматическому руслу отдельных социальных механизмов, а работала именно на тех, кого изучает. И это подлинно бы понятие гуманизма на подлинно научную высоту: мы не только разглядели бы шоры на своих глазах, застилающие мир бесконечными мифами и миражами, но и ощутили бы то лучшее, что заключено в нашем нравственном облике, и значит, наполнили бы оптимистическим смыслом свою мечту о будущем.

Помнится, один из западных журналов проводил полущутливый опрос: какую музыку хотели бы вы услышать, если бы в результате каких-то несчастий оказались на необитаемом острове? Наряду с современными рок-ансамблями многие назвали Бетховена. Умирать-то все-таки с Бетховеном...

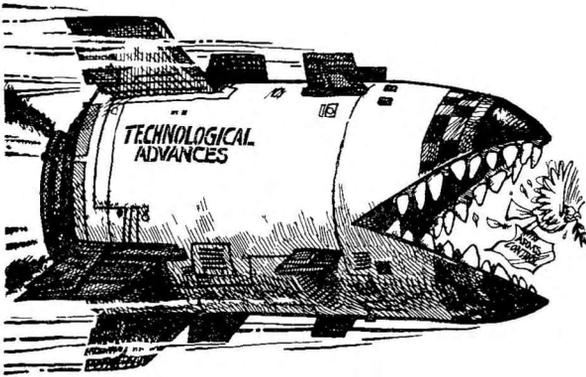
Да и какие же научные выводы о будущем мы можем делать, какие программы составлять, если сами не сознаем, что спрятано в нас под накипью мелочей, компромиссов, стереотипных формул? Кто знает, может, «массовый» планетинин гораздо достойнее, порядочнее, чем мы исподволь привыкаем думать, а наш страх перед войной и нравственной деградацией не та же боязнь «среднего», автоматического человека? Может, мечтая изменить порядок жизни, он способен многим пожертвовать и на многое решиться — просто не привык пока верить, что так же поступят и другие...

Когда-то В. Вернадский выдвинул идею автотрофности человека — независимости его экономического развития от условий среды. Но будущее нашего рода требует и «автотрофности духа» — умения оставаться личностью

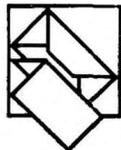
вопреки дегуманизирующим сторонам жизни. И новая, человеческая наука могла бы помочь нам в этом воспитать в нас способность к духовной саморегуляции и к музыкальному, чуткому, то есть особо правдивому ощущению жизни.

«Жизнь — это наша родина», — так определил известный ученый Морис Морука нравственную связь между нами и всем сущим.

Хочется добавить — не только родина. Еще и союзница. Побеждает тот, говорит поэт, кто находится в союзе с самой жизнью. И чтобы победить хаос своих же неурядиц, чтобы сломать ободки, стянувшие людское сознание в душное узкое пространство, нам остается одно — прислушаться ко времени и подать руку самой верной и доброй союзнице.

Технологические
достижения и
контроль над
вооружениями:
КТО КОГО?
(«Миннеаполис
стар энд Трибюн»,
США)

Патриотизм простой и «военный»

По поводу статьи одного военного философа

Владимир ЛАЗАРЕВ, писатель;
Ольга ТУГАНОВА, доктор исторических
и кандидат юридических наук

Взаимответственность человека и общества, выраженная в негласных традициях, не закрепленных еще буквой юридического свода или какого-нибудь государственного устава, наконец воплощенная в законодательстве,— явление подвижное, многосложное. Судя по всему, и в жизни мирового сообщества, и в нашей отечественной жизни в этом процессе **ценность человеческой личности** все-таки возрастает, уважение к ней принимает все более гарантированные формы, то есть проявляется не только в зыбких эмоциональных всплесках на страницах текущей периодики. Притом, увеличение ценности личностной только тогда истинно и существенно, когда захватывает людей на всех ступенях общественной лестницы. От того или иного взгляда на эту проблему зависит и сам характер патриотического воспитания гуманистического или антигуманного, узколобого, жесткосердного, приучающего человека с младых ногтей воспринимать «патриотическое» как нечто связанное со страхом и подавлением. Разумеется, военное время есть военное время, со всеми особенностями экстремальных условий. Но в то же время, это есть продолжение — хотя и искаженное — народной жизни, и она, эта народная жизнь, конечно, не заканчивается войной. (Хотя сознание некоторых армейских профессионалов из комадного состава и армейских теоретиков продолжает и в мирное вре-

мя жить проблемами минувшей войны и войны, предполагаемой в будущем.) Одной из важнейших проблем, составляющих эту тему, была и есть проблема плена и пленных. Отношение к ней людей военных и штатских, воевавших и не воевавших, побывавших в плену и избежавших его, романтически настроенных юношей и инвалидов, чья жизнь загублена войной, весьма неоднозначно.

На фоне этой неоднозначности обратило на себя внимание выступление на первой полосе «Комсомольской правды» от 6 марта 1988 года старшего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны СССР, доктора философских наук, профессора Б. Каневского «История в поисках правды». Автор, в частности, пишет: «К издержкам сегодняшних поисков исторической правды, думаю, следует отнести некоторые высказывания по поводу проблемы пленных. Стремясь реабилитировать тех, кто не по своей воле оказался в фашистском плену, некоторые авторы используют и такой аргумент: плен — это чуть ли не закономерность на войне».

«Но больше всего,— продолжает Б. Каневский,— настораживают попытки доказывать, что на войне возможны обстоятельства и условия, оправдывающие сдачу в плен. Для тех, кто прошел испытания войной, такие высказывания звучат кощунственно. Священной заповедью для советского воина всегда было и остается уставное положение: ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдаться в плен.»

Любопытно было бы узнать, задумывался ли военный философ над тем,

как менялись представления о войне, плене и пленных в ходе истории, со времен дикости и канибализма до наших дней — до всесветных войн, где гибнут многие миллионы людей и многие сотни тысяч попадают в плен? Развитие политической и внешнеполитической культуры во взаимоотношениях цивилизованных государств привело к возникновению известных международных соглашений, в частности, Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов (где Россия выступила как инициатор) и Женевских конвенций 1929 и 1949 годов. В этих международных документах закреплена статус пленников. Эти международные соглашения и деятельность Красного Креста продиктовали и воплотили гуманность, возведенную в ранг международного закона, по отношению к раненым, больным, к мирному населению, к военнопленным. В юридических международных нормах были в определенной степени закреплены милосердие и общественная совесть. Этим самым заложено основание неких новых форм коллективного и индивидуального сознания, нового этапа развития человеческой культуры. Русская инициатива в гуманизации законов и обычаев войны путем их международно-правовой регламентации неоднократно отмечалась в капитальных работах по международному праву. Странно, что в своих новейших, как бы пахнущих типографской краской рассуждениях о плене и военнопленных современный военный философ с воодушевлением и сочувствием повторяет строки устава, гласящие, что ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить военнослужащего Вооруженных Сил СССР сдать в плен! Он словно бы закрывает глаза на плодотворные традиции, живые в нашем отечестве и несомненно обретшие в самое последнее время новый импульс к своему глобальному развитию. Миротворчество должно ведь воплощаться в конкретных, действенных формах.

Высказывание сотрудника Института военной истории, более всего, как нам кажется, выражает его профессиональную принадлежность военному ведомству, то есть является выражением **военно-ведомственного**, а вовсе не **народного** сознания. Выстроенная военным философская модель не без оттенка крепостного права. Безнравственность его поучения (хотя в этом случае возможен лишь собственный пример, лишь сво-

бодное волеизъявление...) усугубляется огромностью современных войн с их гигантскими «котлами» и массовой гибелью людей. Просчет или преступное слабоумие какого-нибудь военачальника может привести — и приводило — к ужасающим жертвам, к вынужденному попаданию в ситуацию, чреватую возможностью плена.

Положение о запрещении сдачи в плен в том случае, вероятно, если ты способен хоть слабо двигаться и находиться в сознании, приводило к множеству человеческих трагедий. Ныне все чаще упоминается некий документ № 270 от 16 августа 1941 года — до сих пор не обнаруженный и почти недоступный исследователям второй мировой войны. В этом невидимом пока документе — по словам тех, кто ссылается на него, — плен приравнивался к измене Родине, со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Не пришла ли пора обнаружить и этот документ?) В связи с таким положением прерывались связи с нашими пленными соотечественниками через Красный Крест и возможность помочь им, морально и материально. Не это ли одна из причин того, что из 5,7 миллиона наших соотечественников, попавших в плен, погибло 3,3 миллиона человек? Все эти обстоятельства еще ждут своего всестороннего правдивого исследования.

Вернувшиеся из плена на родину военнослужащие были через некоторое время подвергнуты массовым репрессиям. Их анкеты ждали, что называется, своего часа. То есть человек, попавший в плен, при этом еще отягощается страхом возвращения на Родину! Память народная многое сохранила. Что творили с вернувшимися из плена на своей собственной земле, сколько судеб людских искалечили. Даже судеб тех, к примеру, кто, совершивши воздушный таран, попал потом в плен, бежал из него, сражался в рядах польского, югославского, итальянского, французского Сопротивления. (Об этом нам рассказал полковник ВВС, воевавший и ныне состоящий на военной службе.) И даже Герои Советского Союза среди них, и кавалеры высших советских орденов... Если не погибали на чужбине, испытали затем сладость отечественной каторги.

Вообще хочется заметить, что мы провели своего рода апробацию этой статьи, — выясняли мнение людей воевав-

ших. Мы ждали опровержений, возмущения, отрицания нашей позиции. Но услышали горячее: «Это было наше варварство, дикость, преступное отношение к своему народу!» Мы не успевали слова вставить — так горячо говорили, хотели выговориться эти люди.

Карательные строки воинского устава, касающиеся сдачи в плен военнослужащих, гарантированно «юридически» развязывали возможные репрессии в отношении побывавших в плену. Что же, военному философу это неизвестно? Неужели он считает, что при некоем стечении обстоятельств многие сотни тысяч людей должны кончать жизнь самоубийством?! Ну, пусть даже не сотни тысяч, пусть даже один человек...

Вот судьба человека, которого авторы хорошо знают. В 1941 году, будучи в Московском ополчении, он попал в плен в сражении под Ельней, — где, как известно, одна винтовка приходилась на двух или даже на трех ополченцев. Вернулся из плена. Не избежал участи многих и многих, отсидел в лагере. Выжил. Вернулся к жизни в нашем обществе, стал инженером, полноценным, изобретательным работником. Вырастил двух сыновей. Пошли внуки. В чем же был смысл его обязательной гибели — самоубийства под Ельней, где многим ополченцам надлежало воевать буквально голыми руками? Согласуется ли это с представлениями развитого человеческого сообщества? Сотни воздушных таранов совершили во время второй мировой войны наши соотечественники. Но разве мыслимо закрепить в военном уставе необходимость тарана как правила? Это звучало бы варварски. Так же варварски звучит в конце XX века уставное запрещение сдаваться в плен под страхом смерти.

В эпоху глобальных войн, потрясших XX век и угрожающих XXI веку, такое карающее правило, на наш взгляд, направлено на обескровливание нации, народа в результате войны. Государство как бы само пожирает своих детей. Но жизнь не ограничена войной — и такая самоистребительная жестокость приво-

дит к тому, что к мирному времени народ может придти невероятно ослабленным, растерявшим многие силы, которые потом долго не восстанавливаются, не скоро наживаются вновь. Тень репрессий надо всеми, кто побывал в плену и вернулся, подрывает глубинную жизнь нации и развивает в обществе жестокость, лживость, циничность. Принижение ценности отдельной личности безусловно и неминуемо ведет к распаду важнейших культурно-общественных установлений. Постоянное видение жизни и планирование ее по чрезвычайным законам военного времени (попытка ввести патриотическое воспитание как военно-патриотическое) очень пагубно отзывается на духовной, экономической и биологической жизни нации («народа народов» в случае нашего отечества). «Ведомственный патриотизм» как тип мировоззрения всегда ограниченнее гражданского и даже общегосударственного патриотизма.

Понимают ли военные философы и теоретики государственную опасность их самоуверенного и, по существу, всего лишь «ведомственного» миросознания? В общественном сознании, по нашему глубокому убеждению, уже существует новое представление о патриотизме, отвергающее и жестокость, и дикость. И профессионально-военному сознанию нужно воспринимать военное время, помня о последующем времени жизнестроительства. А это время обязательно востребует не напуганное и сильно выбитое «население», а народ, человека, сохранившего максимум своих потенций к моменту наступления мирного времени. Нам кажется, что вообще следовало бы начать досконально и тщательно составлять своего рода реестр юридических норм (законов и всякого рода подзаконных актов: постановлений, распоряжений, инструкций и т. д., как крупных, так и мелких, повседневных), не принимающих во внимание ценность человеческой личности как в обычных, так и в экстремальных условиях, и заняться их решительным пересмотром и отменой. Это тоже важнейшая часть развития и зрелости общества.

ПИСЬМА АНГЛИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Борис КАГАРЛИЦКИЙ

Одним из самых увлекательных моментов гласности стало открытие страниц нашей прессы для мнений иностранных журналистов, общественных деятелей, советологов и деловых людей. В газетах регулярно появляются материалы «из другого мира», призванные дать нашему читателю более полное представление о том, как смотрят на различные события представители «иной политической культуры». Мы можем узнать точку зрения американского миллиардера, крайне правого западногерманского государственного деятеля, руководителя антикоммунистического лобби в Вашингтоне или консервативного депутата европарламента. Все они, естественно, говорят именно то, что мы ожидаем от них услышать. Все подчеркивают различие мировоззрений, но выражают восхищение переменами в нашей стране, а напоследок дают несколько полезных советов — как лучше решать наши проблемы. В сумме все эти интервью создают у читателя определенную картину западного общественного мнения.

Однако картина эта по меньшей мере неполна. За бортом остается «всего навсего» обыкновенный левый интеллигент: профсоюзный активист, депутат-заднекамеенчик от рабочей партии, журналист радикального еженедельника. Все эти персонажи кажутся нашей прессе недостаточно «солидными». И в самом деле, они далеки от рычагов реальной экономической и политической власти. Удел левых радикалов почти всегда — оппозиция. Лишь иногда, к изумлению «серьезных наблюдателей», они начинают стремительно уславливать свое политическое влияние, но затем, как правило, обстановка «нормализует-

ся» и «серьезные люди» вздыхают с облегчением — все благополучно остается по-старому. Или почти все?

И тем не менее именно радикалы в значительной степени определяют облик общественного мнения. Именно они составляют основу массовых движений, с которыми приходится считаться власти имущим.

Бесспорно, каждый голос должен быть услышан. Миллиардеры уже сказали свое слово. Давайте же теперь дадим высказаться нормальному западному радикалу, вынесшему, между прочим, за последние двадцать лет на своих плечах всю тяжесть борьбы за солидарность с народами третьего мира, против войны во Вьетнаме, за разрядку и разоружение. Эта борьба не всегда была успешной. Многие надежды оказывались иллюзорными. Однако если бы этой борьбе не было, современный мир во многом был бы иным.

Книга английского журналиста Энтони Барнетта «Советская свобода» может стать превосходным образцом того, как видит нас и нашу перестройку западноевропейский радикал. Быть может, это далеко не лучшая книга об СССР, изданная на Западе за последние два-три года. Но она очень многое позволяет понять и об авторе и о его читателях.

Барнетт — сотрудник социалистического еженедельника «Нью стейтсмен», приущий главным образом о проблемах британской внутренней политики и о событиях в третьем мире, провел несколько недель в Советском Союзе весной и летом 1987 года. Его путевые заметки, рассказы и встречи с различными людьми и пространные цитаты (иногда на не-

сколько страниц) из «Московских новостей» и других советских изданий легли в основу небольшой книги, выпущенной лондонским издательством «Пикадор» примерно полгода спустя.

Поскольку, с одной стороны, автор — профессиональный журналист, а с другой стороны, он не является специалистом по СССР, книга получилась очень непредвзятой, полной свежих впечатлений, немного наивной. Самое сильное чувство, судя по всему, постоянно возникавшее у Барнетта на протяжении всего путешествия, — это удивление. Он радовался, обнаруживая людей, которые свободно, без внутренней цензуры, говорили с ним, но тут же огорчался, узнавая, что его собеседники, несмотря на гласность и перестройку, то и дело просят не называть их фамилий в его книге. Он приходил в ужас от немислимых цен в гостиницах «Интуриста», приносящих многомиллионные потери советской экономике, — из-за дороговизны западные туристы предпочитают ездить в другие, более «выгодные» страны. Недоумевал он по поводу полного отсутствия планомерности в решении множества элементарных экономических вопросов, с любопытством разглядывал вывешенные на улицах и в общественных помещениях лозунги.

Но в любом случае он не мог отделаться от некоторого чувства удивления. Оно не только не исчезало, но лишь усиливалось от разговоров с людьми, пытавшимися объяснить суть происходящего, от чтения газет, официальных встреч и просмотра телевизора. Он не мог понять, откуда столько симпатии у его собеседников к авторитарному стилю консервативных западных политиков, который воспринимается как образец подлинного демократизма. Еще более странной была информированность интеллигентных москвичей по поводу театральной жизни Лондона, книжных новинок Парижа и последних американских фильмов. Не менее странным был интерес к советологии: выяснилось, что на русском языке просто не издаются работы по исследованию многих сторон нашего собственного общества, постоянно изучающихся на Западе. Особенно же сложно обстояло дело с публикациями по марксистской

политической социологии: создавалось впечатление, что подобные книги издаются «по-немецки и по-английски, и иногда по-французски». На русском языке достать подобные материалы, отечественные или переводные, ему не удалось.

Создается понемногу образ увлекательно непонятной страны, управляемой по каким-то абсурдным правилам и гордящейся своей уникальностью. Если американцы, полагает Барнетт, убеждены, что весь мир, в сущности, похож на Соединенные Штаты, то русские напротив, уверены, что весь мир непохож на Россию. Когда Барнетт, ранее проведший некоторое время во Вьетнаме, решил блеснуть своими познаниями и начал сравнивать Ханой с Москвой, лица его собеседников вытягивались. Правда, в отличие от Барнетта, его московские друзья и знакомые, как правило, не имели возможности посетить дружественный Вьетнам и посмотреть на все своими глазами.

Между тем, в действительности, при всех своих странностях и особенностях советское общество вовсе не кажется Барнетту принципиально необъяснимым. Конечно, Россию «аршином общим не измерить», но умом ее понять вполне можно. По мере того, как проходит первое изумление, возникает чувство некоторой близости и симпатии к стране и людям. Перестройка, делающая советское общество менее закрытым, помогает и понять его. Многие, сегодня происходящее в СССР, напоминает Барнетту 60-е годы на Западе. То же разочарование в господствующих ценностях и традициях, та же стихийная инициатива снизу, то же стремление к свободе, рост радикальных настроений, готовность перестроить жизнь. Но западное движение новых левых захлебнулось несмотря на весь свой размах, не обеспечив структурных реформ в экономике. Барнетт вовсе не убежден в успехе наших преобразований, но ему кажется, что перестройка имеет, быть может, больше шансов на победу, поскольку ситуация в Советском Союзе гораздо более драматическая. Трудности, с которыми сталкивается советское общество, одновременно и осложняют проведение реформ, и делают эти ре-

формы еще более срочными.

«Горбачев сталкивается с двумя типами проблем. В его подходе заложено принципиальное противоречие: дело не только в том, что система, остро нуждающаяся в реформе, сама же сопротивляется переменам, дело еще и в том, что именно механизмы этой системы он должен использовать, чтобы провести в жизнь свою программу».

Это противоречие, однако, может быть разрешено самой жизнью. Формирующиеся в стране гражданское общество, стихийная инициатива масс могут помочь изменить то, что не поддается преобразованию сверху. Дело в том, что самые широкие социальные слои в СССР сегодня испытывают потребность в свободе. Это уже не отдельные «инакомыслящие», а целое поколение советских людей, выросшее в новых, современных условиях, обладающее новыми духовными потребностями. Радикальный английский путешественник, посетивший нашу страну в разгар перестройки, оказался оптимистом. Это вообще черта, свойственная радикалам. Впрочем, у подобного оптимизма есть основания. «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» — писали взбунтовавшиеся парижские студенты на стенах университета в 1968 году. То, что кажется невероятным обывательскому здравому смыслу, в самом деле порой случается. Реализм бюрократии состоит в том, чтобы понимать значение силы. Серьезно они относятся лишь к таким перспективам, которые совместимы с их интересами. И твердо убеждены, что любые другие возможности неосуществимы. Точнее, что сами же «хозяева жизни» не дадут им осуществиться. Однако история идет не всегда тем путем, какой программируют для себя политические и экономические деятели. Когда

в обществе возникает массовая потребность в переменах, революционная воля и социальная среда, порождающая активистов, невозможное становится возможным. В этом **реализм радикалов**.

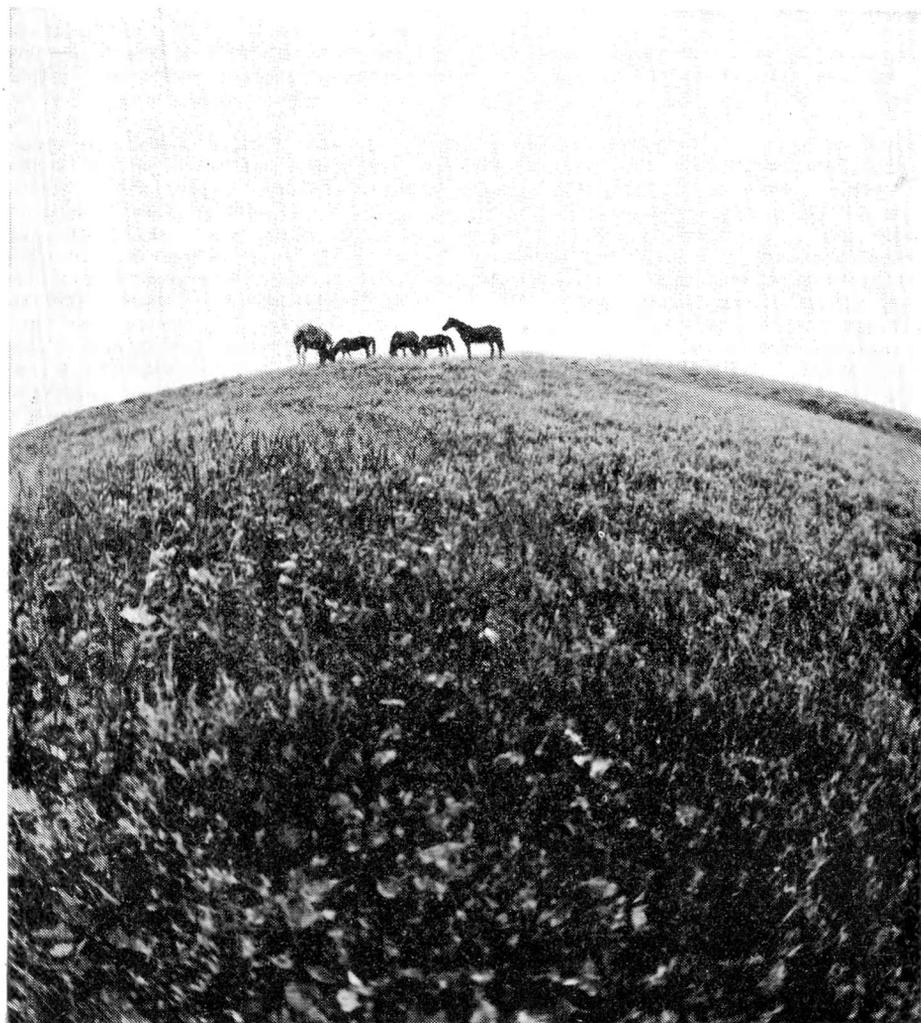
Приятно, что английский путешественник не дает нам никаких рецептов. Он лишь наблюдает за происходящим, лучше или хуже разбираясь в событиях, но сохраняя неизменный интерес к ним.

Интерес этот не чисто теоретический. Для всякого человека, интересующегося проблемами социалистического преобразования мира, Советский Союз — не просто далекая экзотическая страна. Барнетт, как и подавляющее большинство западных левых, не может ни забыть, ни простить московских процессов 30-х годов. Он постоянно вспоминает шок, вызванный среди западных социалистов и коммунистов чехословацкими событиями в августе 1968 года. События нашей недавней истории непосредственно — и самым неблагоприятным образом — отражались на судьбах западного радикального и антивоенного движения. Сейчас перспектива революционной демократизации в СССР возрождает во всем мире надежду на то, что гуманные идеалы социализма получат наконец практическое воплощение. Слово «социализм», дискредитированное сталинскими зверствами, Гулагом, цензурой, экономическими неудачами последних лет, снова начинает обретать свой первоначальный смысл.

В этом величайший шанс для левых и антивоенных движений в Западной Европе и третьем мире. В этом всемирно-историческое значение борьбы, идущей сейчас в нашей стране. Наш долг перед прогрессивными силами мира, наша глобальная ответственность.

Провозвестник космического гуманизма

К 125-летию В. И. Вернадского

*Расшифровать человека значит в сущности
попытаться узнать, как образовался мир и что
с ним будет дальше.*

Тейяр де Шарден

Аскольд СИЛИН,
доктор технических наук

Знаменательно, что 125-летие со дня рождения Владимира Ивановича Вернадского близко другой круглой дате — завершению второго тысячелетия нашей эры — своеобразному юбилею цивилизации. Имя выдающегося естествоиспытателя все неразрывнее сопрягается сегодня с глобальными философскими проблемами и дальнейшими судьбами человечества.

Становится все более ясным, что главное в наследии нашего великого соотечественника — новый тип мышления, получивший широкое распространение только во второй половине текущего века. И в основе такого мышления — глубоко аргументированный тезис феномена разума как закономерного и неразрывного звена в общей цепи саморазвития материи. «Геологически мы переживаем сейчас выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик, и ее строение, — ноосферы». В таком единстве естественно-научного и исторического — суть философской концепции В. Вернадского, основа его глобального мышления.

В. Вернадский родился в Петербурге в 1863 году, через два года после отмены крепостного права в России, и скончался, дожив до глубокой старости, в 1945 году, всего за несколько месяцев до победоносного завершения Великой Отечественной войны. Три российских революции и две мировых войны, которые он пережил, сочетались тысячами нитей с не менее грандиозными и революционными событиями в естествознании, и в первую очередь в физике, сфера приложения которой расширилась за это

время до гигантских размеров, включив в себя космологию и микромир, а позднее и биологию.

В ПОИСКАХ ПЕРВОПРИЧИН

Итоги многолетних философских размышлений В. Вернадского о становлении и развитии феномена разума имеют, по-видимому, несколько основных источников. Это, во-первых, основополагающие специальные познания в геохимии и ряде других наук, получившие мировое признание еще при жизни ученого. Во-вторых, — поразительно широкая и глубокая эрудиция в области истории естествознания и мировой культуры вообще. Наконец — гигантский запас личных наблюдений и впечатлений, накопленный во время посещения многих европейских государств, поездки в США и Канаду, бесчисленных командировок в различные районы бескрайней родной страны, преследующие, в первую очередь, чисто научные цели. Добавим к этому необычайную гражданскую активность ученого, его острое ощущение социальной значимости происходящего.

И тем не менее В. Вернадский пришел к своим философским концепциям прежде всего через естествознание, рассматривая его в неразрывной связи с историей всего человечества. Подобный путь, как широко известно, был характерен для многих естествоиспытателей, добившихся выдающихся успехов в своей области и выдающихся в философских обобщениях естественное продолжение и развитие общей картины мира.

Но даже среди корифеев естествознания, Вернадский, как ученый-философ, выделяется не только смелостью и глубиной идей, но и их поразительной современностью. И в центре этого новаторства — возрождение древней парадигмы

об определяющей роли человека, его разума во всей Вселенной.

Еще в V веке до нашей эры древнегреческим философом Анаксагором была высказана идея саморазвития Космоса под влиянием Разума, очеловеченного в духе древнегреческой традиции, но вполне материального по существу. Именно Разум сообщает косной и хаотичной материи первичный импульс, под влиянием которого сооружается затем уже само собой все более упорядоченное и величественное мироздание. Примерно в это же время другой древнегреческий философ Протагор изрек крылатую фразу о том, что человек есть мера всех вещей. Отметим, что аналогичные идеи были свойственны и древнеиндийской философии, которую также не обошел своим вниманием Вернадский.

Космогоническая система Птолемея (II век нашей эры), утвердив Землю в центре Вселенной, стала на протяжении последующих полутора тысячелетий сначала апофеозом антропоцентризма, а затем и канонизированной опорой христианства. Это означало веру в то, что главные события в мире сосредоточены на Земле, обиталище человечества, созданного самим Богом и призванного возвеличить имя своего Творца.

«Об обращениях небесных сфер» Николая Коперника, вышедшее в свет в 1543 году, произвело со временем целую революцию не только в астрономии, но и во всей системе мышления. Книга гениального польского каноника разрушила, по словам советского историка С. Сказкина, близкий и интимный небесный мир как обиталище бога, она вырвала Землю, «Подножие ног его», из центра Вселенной... и превратила ее, эту ничтожную Землю, в жалкую пылинку, затерявшуюся в бесконечном пространстве.

В течение минувших с той поры веков границы наблюдаемой Вселенной были расширены до фантастических размеров, а дата «сотворения мира» стремительно отодвинута в прошлое на десятки миллиардов лет — срок, по сравнению с которым библейский возраст мироздания выглядит лишь мгновением.

Головокружительные успехи естествознания, достигнутые за этот период, привели ученых к очевидному, казалось бы,

мнению, что человек — скорее талантливый и искушенный **наблюдатель** этого мира, нежели его активный выразитель и творец. Являясь случайным, а возможно и уникальным порождением слепой игры природных стихий, люди — носители разума, при самых фантастических успехах технологии, не способны оказать какое-либо серьезное, определяющее влияние на всю чудовищную громаду Вселенной. А раз так, то мимолетное, по современным космическим меркам, существование нашей цивилизации предстает, по-видимому, лишь незначительным «провинциальным» эпизодом на магистральном пути эволюции Вселенной.

Подобная, во многом стихийная, точка зрения не только хоронила окончательно антропоцентризм как наивный архаический миф. Она почти неизбежно приводила натуралистов и философов к тезе о **законах природы** как неких скрытых до поры до времени абсолютах, которые человеку суждено раскрыть в его диалоге с природой, постигая постепенно ее **язык**. Строжайшая опора на эксперимент, считали исследователи, поможет им со временем полностью очистить науку от субъективных фантазий и химер, на которые столь повадлив человеческий ум, сохранив в ней лишь сугубо объективное, истинное отражение самого мироздания.

Но понятие «закон» требует по определению присутствия какой-то «высшей инстанции». Кому же тогда обязана природа своими законами? Предначертанию Божьему — твердо отвечали ученые-теисты. Именно такую позицию занял в свое время Иоганн Кеплер, открывший «по озарению Господнему» законы обращения планет вокруг Солнца. А великий создатель классической механики Исаак Ньютон видел в божестве не только изначального архитектора мироздания, но и своеобразного звездного инженера, обречшего всю мировую машину на вечное движение в бескрайнем пространстве и времени.

ДРАМА ПОСТИЖЕНИЯ

Современные натуралисты считали **законы природы** органически присущими самой материи, следуя в этом смы-

сле древнегреческой традиции Дело исследователей — открыть и окончательно познать эти законы на основе размышления и опыта, то есть дойти до самой сути вещей и явлений, которые пребывают вечно и независимо от человека. Подобных взглядов придерживались вплоть до конца 20-х годов практически все крупнейшие **современные** естествоиспытатели, включая таких гигантов, как Макс Планк и Альберт Эйнштейн.

Между тем столь неизбежная, казалось бы, позиция ученых-натуралистов, опиравшаяся, за некоторыми исключениями, на все богатейшее наследие классической науки, была подвергнута серьезной критике с материалистических философских позиций Фридрихом Энгельсом еще примерно столетие тому назад.

Ведя свой диалог с природой, ставя эксперимент и оказываясь тем самым на переднем крае фронта познания, исследователь наиболее остро ощущает драматическое столкновение субъекта с объектом. Ведь отклики природы, с одной стороны, **объективны**, поскольку отражают ее безусловную реальность. Но с другой стороны, всякий эксперимент — плоть от плоти разума человека, его сознания и в конечном счете несет на себе неизгладимый отпечаток всей истории и культуры человечества. В этом, как очевидно, выражается неизбежная **субъективность** нашего познания, которая неизбежна в принципе. Отрицать это, видя здесь нечто ущербное и «идеалистическое», значит идти не только против того же опыта и практики, но и против собственного естества.

Человеческая печать лежит и на всех понятиях науки и философии, включая такие фундаментальные категории, как закон и причинность. «Благодаря деятельности человека, — утверждал Энгельс, — и обосновывается представление о причинности». В другом месте он не без иронии отмечал, что эмпирик до того втягивается в привычное ему эмпирическое познание, что воображает себя все еще находящимся в области чувственного познания даже тогда, когда оперирует абстракциями. «Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство. Разумеется, не знаем, ибо материю как таковую и

движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом, люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения... всякое же познание есть **чувственное измерение!** Это толь-в-точь как указываемое Гегелем затруднение..., что мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но не можем есть **плода**, потому что никто еще не ел плода как такового».

Согласно классическому определению В. Ленина, материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении. Отсюда следует, что искусственно оторванная от наблюдателя материя хотя и остается по-прежнему объективной реальностью, но перестает уже быть **данной нам в ощущении**. Такая, лишенная какого-либо человеческого разума и смысла материя, оказывается уже не познаваемой, превращаясь из открытой и неисчерпаемой «вещи для нас» в замкнутую и бесплодную «вещь в себе».

В итоге ученые открывают и доказывают не абстрактные **законы природы**, а **законы естествознания**, которые выражают в конечном счете человеческий взгляд на окружающий мир. И именно в таких законах нашего постижения мира раскрывается диалектическое противоречие между субъектом и объектом.

ОЧЕЛОВЕЧЕННОЕ ЗНАНИЕ

Резкий поворот в мышлении самих натуралистов начался в конце 20-х годов, когда Нильс Бор и другие «отцы» квантовой механики под напором ошеломляющих экспериментальных фактов поставили под сомнение главный тезис классической науки, а именно — что ученый методом теории и эксперимента познает якобы саму природу. Вместо этого ими был выдвинут другой тезис: человек познает такими путями только **результаты своего взаимодействия с природой**.

Посмотрим теперь, насколько далеко продвинулся в становлении нового философского мышления В. Вернадский. Вот что писал он в статье «Мысли о современном значении истории знаний», опубликованной в 1927 году: «**Напрасно стал бы человек пытаться научно строить**

мир, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от его природы понимание мира. Эта задача ему не по силам; она является и по существу иллюзией, как искание *perpetuum mobile*, философского камня, квадратуры круга. Наука не существует помимо человека и есть его создание, как его созданием является слово, без которого не может быть науки. Находя правильности и законности в окружающем его мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и к своему разуму. **В научно выраженной истине всегда есть отражение — может быть чрезвычайно большое — духовной личности человека, его разума.** (Выделено мною — А. С.)

Нетрудно видеть в этих словах великого естествоиспытателя новое понимание **положения человека** в научно создаваемом строе мира. Ясное осознание его роли не только как творца своей истории, но и как **творца самого этого мира.** Такая беспрецедентная для ученого-натуралиста идея и послужила в дальнейшем основой философской концепции В. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Последовавшие события доказали не только научную правоту Н. Бора и его выдающихся сторонников, но и подтвердили верность неизмеримо более широкого философского тезиса «очеловеченного естествознания», сформулированного В. Вернадским.

Древняя претензия математики как абсолютного знания, доказываемого с безупречной строгостью, сумела дожить лишь до начала нашего века. Гром грянул, когда Курт Гёдель доказал свою знаменитую «теорему неполноты», поставившую крест на самой идее «абсолютной математики». В итоге и математикам стало наконец ясным то, к чему за полвека до них пришли основоположники диалектического материализма. Их наука — всего лишь обобщенное, абстрактное **отображение реальности** в нашем сознании. Не **природа** говорит языком математики, как утверждал когда-то Галилей, а **человек** ведет разговор с природой на собственном **изобретенном его гением языке**, языке гибком, точном и необычайно богатом, охватывающем все и вся.

Доказанная теперь уже самим развитием естествознания невозможность полной «объективизации» науки путем изгнания из нее всего субъективного и идеального, то есть, попросту говоря, всего человеческого, развенчала саму идею очищенного, голого и неодоушевленного знания, доставшуюся в наследство от средневековой схоластики. Приведенные выше слова Вернадского оказались вещими. Да и научная истина, как ни парадоксально, всегда отражает духовность человека. Какой разительный контраст с призывом великого физика Планка освободить физическую картину мира от индивидуальности творческого ума! Но с другой стороны, какое совпадение с мудрым заветом великого поэта и мыслителя Шиллера **выразить в занятиях и науке человечность собственной природы и развить гармонию своего существа!**

Стремясь проникнуть в тайну саморазвития материи, Вернадский с особым вниманием относился к эволюционным идеям классиков естествознания. Характерно в этой связи оценка им открытия явления радиоактивности, которому Вернадский сразу придал выдающееся, решающее значение. «Захвачены были последствиями открытия Беккереля вся жизнь человечества, вся философская его мысль, все его научное мировоззрение».

За этими словами Вернадского прежде всего торжество идеи вечного саморазвития и обновления материи, идеи, которая была ключевой в его мирозерцании. Основоположник радиогеологии пророзливо разглядел здесь совершенно новую, неведомую ранее **космогоническую** силу, действующую в природе наряду с тяготением, а в условиях Земли, возможно, и еще энергичнее.

Но что же служит той естественной и несокрушимой силой, «пружиной эволюции», которая поднимает материю на новую ступень развития, реализуя переход биосферы в ноосферу? Вернадский не только поставил этот сложнейший вопрос со всей ясностью и остротой естествоиспытателя-материалиста, но и вплотную подошел к его решению в рамках самых современных идей.

Мы уже писали (см. «Век XX и мир», № 4, 1988) о глубоких идеях этого

мыслителя по поводу перестройки пространства-времени живыми и разумными существами, а также решающей роли избытка **свободной энергии** в саморазвитии так называемых открытых систем, к числу которых относятся и живые существа, в том числе человек и все человечество.

Такие системы находятся обычно в состоянии динамического равновесия с окружающей средой, обмениваясь с ней веществом и информацией. И только в исключительных случаях избыток энергии приводит систему в сильно неустойчивое, далекое от равновесия состояние. Но здесь-то и происходит главное: перевозбужденная система оказывается уже способной к саморазвитию! Количество скачком переходит в качество **естественным** путем, то есть без всякого вмешательства божественных или каких-либо иных «потусторонних» сил. Так в самых общих чертах разрешается одна из поразительнейших загадок природы.

ВЕЛИКОЕ ОБРЕТЕНИЕ

Вершиной научного предвидения В Вернадского, ставящего его на уровень одного из самых выдающихся мыслителей XX века, является, как общепризнано, обоснование естественно-исторической неизбежности вступления цивилизации в фазу ноосферы, которое требует проявления человечества как единого целого. Здесь имя Вернадского помещается обычно рядом с именем Тейяра де Шардена, хотя основные концепции этого гениального французского мыслителя опираются скорее на религиозные и даже мистические соображения, нежели на данные науки и истории. «Взрыв» научной мысли в XX столетии, — писал Вернадский, — **подготовлен всем прошлым биосферы** и имеет глубочайшие корни в ее строении. Он не может остановиться и пойти назад... Биосфера неизбежно перейдет так или иначе, рано или поздно, в ноосферу, то есть в жизни народов, ее населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие».

И основа такого перехода видится им прежде всего в неизбежно нарождающемся **глобальном мышлении**. «Человечество едино... Жизнь человечества, при

всей ее разнородности, стала неделимой, единой... Человек впервые реально понял, что он мыслитель **планеты** и может — должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государства или их союзов, но и в **планетном** аспекте».

Идея всеобщей интеграции населения планеты в единый суперорганизм впервые в истории цивилизации подтверждается сегодня не только философскими соображениями, но и новейшими успехами естествознания, обобщенными синергетикой а также мощными социально-экономическими сдвигами в наиболее развитых странах, вызванными постепенным вступлением человечества в «век информации». Подтверждается эта идея и крупнейшими политическими событиями, например прогрессом в ядерном разоружении сверхдержав и уникальной Делийской декларацией, подписанной М. Горбачевым и Р. Ганди от имени миллиарда землян.

Новый диалог человека с природой, озаменованный, в первую очередь более глубоким пониманием естественноисторической неизбежности реальных мировых процессов, включая и социальные, исходит из того, что время в нашей Вселенной необратимо течет только в одном направлении: из прошлого в будущее. Этот столь характерный для мировоззрения Вернадского тезис, блестяще подтверждаемый новейшим естествознанием, означает, что человек уже отнюдь не сторонний и беспристрастный наблюдатель всего сущего. Феномен разума, как естественное порождение материи, воплощаясь в практику, начинает играть в этом мире все более выдающуюся и определяющую роль. «Стихийно как проявление естественного процесса создание ноосферы в ее полном проявлении будет осуществлено; рано или поздно она станет целью государственной политики и социального строя, — предсказывал Вернадский. — Это процесс, корнями уходящий в глубь геологического времени... он не может быть сдвинут в своем течении силами, проявляющимися в рамках времени исторического...».

Логическим продолжением этих идей служит слияние в единое целое естествознания и научных представлений о са-

мом человеке, что предсказал в свое время Маркс. «Перелом научного понимания Космоса,— писал Вернадский,— совпадает... с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой — их объект совершенно меняется... С одной стороны, укореняется связь исторических знаний с знаниями биологическими, а с другой — в строе исторических знаний идет перелом, небывалый по силе и по последствиям в их прошлом бытие».

При всей гениальности и чудовищной работоспособности Вернадскому потребовались десятилетия, чтобы перебраться надежный мост над пропастью, отделявшей тогда естествознание от истории. И мост этот состоял в ключевой идее, что переход в ноосферу не локальный эпизод где-то на задворках бескрайней Вселенной, а закономерный и неизбежный этап развития материи, этап естественнoисторический. «Мы только начинаем сознaвать непреодолимую мощь свободной научной мысли... чeлoвеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впер-

еди»,— вдохновенно писал Вернадский. Наверяд ли он знал, что к такому же выводу пришел мало кому известный тогда скромный школьный учитель и автор гениальной идеи освоения космического пространства реактивными приборами Константин Циолковский, тихо доживавший век в провинциальной Калуге.

В то же время Вернадский был очевидным противником ретивого и вульгарного «покорения природы». Он глубоко понимал, что решительно беря штурвал эволюции в свои руки, человечество обязано не только учитывать материальные выгоды, но и строго следовать фундаментальным этическим запретам, прямо вытекающим из гармонического единства людей с родной планетой и всем космосом. Именно в таком нераздельном слиянии с породившим нас миром виделось ему предстоящее, гигантское по своим масштабам, расширение деятельности человека во Вселенной и все более глубокое проникновение его пытливым мысли в тайны мироздания.

И в этом, наверное, заключается главный завет великого мыслителя-гуманиста и нашего соотечественника Владимира Ивановича Вернадского.

На второй странице обложки: рисунок киевских художников Агды Рыбачук и Владимира Мельниченко; выставка их работ состоялась в апреле в Советском комитете защиты мира в Москве.

На третьей странице обложки: Москва сегодня — улица 25-го Октября.

Фото Андрея КНЯЗЕВА

БЮЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

